

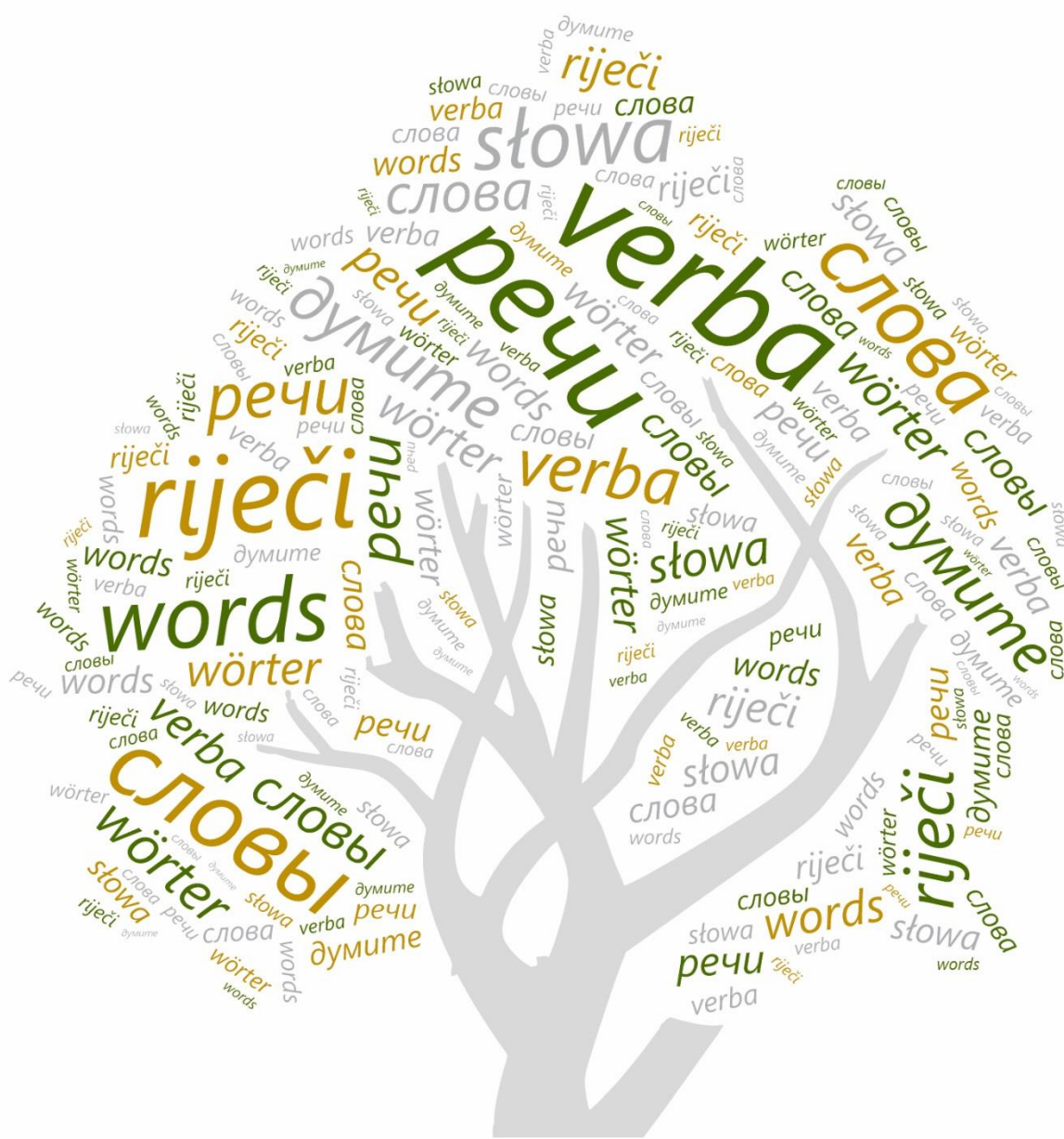

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

Северо-Западный
лингвистический журнал

№ 1(19) 2026

ISSN 2713-0665 (Online)

(16+)

**Verba. Северо-Западный
лингвистический журнал**

Сетевое периодическое научное издание

1(19) 2026

ISSN 2713-0665 (Online)

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ
Эл № ФС77-80208 от 22.01.2021 г. Издание
зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2021 г.

Периодичность: не менее 4 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41
тел.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, ауд. 1305
тел.: +7 (8162) 33-88-30 (доб. 2294)
e-mail: verba@novsu.ru

Сайт издания: <https://verba.press>

Ответственный редактор: Е. Спешилова

Редактор перевода: О. Наволоцкая

Дизайн обложки: В. Фромов

Макет: Т. Григорьева

Разработка сайта: А. Ни

Дата выхода: 05.10.2026

© НовГУ, 2026

© Авторы статей, 2026

Все права защищены

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Т.В. Шмелева, доктор филологических наук,
профессор кафедры журналистики
Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В.И. Макаров, кандидат филологических наук,
доцент; Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

А. Бирих, доктор филологических наук, профессор;
Трирский университет, Трир, Германия

Х. Вальтер, доктор филологических наук, профессор;
Университет им. Эрнста Морица Арндта,
г. Грайфсвальда, Грайфсвальд, Германия

В.Л. Васильев, доктор филологических наук, доцент;
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Заика, доктор филологических наук, доцент;
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Коваль, доктор филологических наук,
профессор; Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

К. Кусаль, доктор филологических наук, профессор;
Гуманитарно-экономическая Академия,
Лодзь, Польша

В.И. Мокиенко, доктор филологических наук,
профессор; Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Т.Г. Никитина, доктор филологических наук,
профессор; Псковский государственный университет,
Псков, Россия

Б.Ю. Норман, доктор филологических наук,
профессор; Белорусский государственный
университет, Минск, Беларусь

М. Рак, доктор филологических наук, профессор;
Ягеллонский университет, Краков, Польша

Ж. Финк, доктор филологических наук, профессор;
Загребский университет, Загреб, Хорватия

(16+)

Verba. North-West Linguistic Journal

online journal

1(19) 2026

ISSN 2713-0665 (Online)

Extract from the register of registered mass media
 EI № FS 77-80208 of 22.01.2021. The edition is
 registered by the Federal Service for Supervision
 in the Sphere of Telecommunication, Information
 Technologies and Mass Communications
 (Roskomnadzor)

Founded: 2021

Frequency: at least 4 times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE “Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University” (NovSU)

ADDRESS OF THE FOUNDER AND PUBLISHER

173003, Russia, Veliky Novgorod,
B. Sankt-Peterburgskaya St., 41
tel.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

CORRESPONDING ADDRESS

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
173003, Russia, Veliky Novgorod,
B. Sankt-Peterburgskaya St., 41, of. 1305
tel.: +7 (8162) 33-88-30 (ext: 2294)
e-mail: verba@novsu.ru

Website of edition: <https://verba.press>

Executive editor: E. Speshilova

Translation editor: O. Navolotskaya

Cover design: V. Fromov

Layout: T. Grigorieva

Website creation: A. Nee

Release date: 05.10.2026

© NovSU, 2026

© Authors of articles, 2026

All rights reserved

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

T.V. Shmeleva, Doctor of Philology, Professor
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

Members of Editorial Board

V.I. Makarov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

A. Bierich, Doctor of Philology, Professor
University of Trier, Trier, Germany

H. Walter, Doctor of Philology, Professor
Ernst-Moritz-Arnt University of Greifswald,
Greifswald, Germany

V.L. Vasilev, Doctor of Philology, Associate Professor
Professor of the Department of Philology
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

V.I. Zaika, Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Philology
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

V.I. Koval, Doctor of Philology, Professor
Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

K. Kusal, Doctor of Philology, Professor
Humanitarian and Economic Academy in Lodz,
Lodz, Poland

V.I. Mokienko, Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

T.G. Nikitina, Doctor of Philology, Professor
Pskov State University, Pskov, Russia

B.Yu. Norman, Doctor of Philology, Professor
Belarusian State University, Minsk, Belarus

M. Rak, Doctor of Philology, Professor
Jagiellonian University, Krakow, Poland

Zh. Fink, Doctor of Philology, Professor
University of Zagreb, Zagreb, Croatia

Содержание

Content

От главного редактора.....	4	From Editor-in-Chief.....	4
----------------------------	---	---------------------------	---

Модальность в семантическом аспекте / Modality in semantic aspect

Семантика неудачи: модальность как конститутивный признак смыслового типа предложения		Failure semantics: modality constituting semantic sentence types	
<i>Т. И. Стексова.....</i>	<i>9</i>	<i>T. I. Steksova.....</i>	<i>9</i>
Диалогизирующие дискурсивные слова в зеркале корпусных данных		Dialogizing discourse words: corpus data evidence	
<i>В. А. Белов, В. М. Белова, Е. С. Крупнова.....</i>	<i>19</i>	<i>V. A. Belov, V. M. Belova, E. S. Krupnova.....</i>	<i>19</i>
Ресемантизация как инструмент осмысления лексем с модальностью необходимости		Resemantizing necessity modality lexemes: comprehension strategy	
<i>Л. Н. Калининкова, М. Н. Зыкова.....</i>	<i>32</i>	<i>L. N. Kalinnikova, M. N. Zyкова.....</i>	<i>32</i>

Модальность сквозь призму жанра / Modality through genre prism

Модальность в текстах газеты «Ведомости» времени Петра Великого: коммуникативно- прагматический аспект		Peter the Great Era "Vedomosti" newspaper modality: communicative-pragmatic aspect	
<i>И. Ю. Кукса.....</i>	<i>47</i>	<i>I. Yu. Kuksa.....</i>	<i>47</i>
Субъективная модальность в стилистике британских киорецензий		Subjective modality in British film review stylistics	
<i>Е. А. Лебедева.....</i>	<i>60</i>	<i>E. A. Lebedeva.....</i>	<i>60</i>

Научная жизнь: хроника, обзоры, рецензии / Scientific life: chronicle, reviews

Рецензия на: «Ваулинские чтения. Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве» (Калининград, 2025)		Review: Vaulin Readings. Modality: language and text in communicative space (Kaliningrad, 2025)	
<i>З. Л. Новоженова.....</i>	<i>71</i>	<i>Z. L. Novozhenova.....</i>	<i>71</i>

От главного редактора

V

Дорогие коллеги,
авторы и читатели!

Этот номер журнала мы посвящаем модальности – языковой категории, внимание лингвистов к которой не ослабевает долгие годы, обещая нам новые интересные наблюдения и суждения.

Поводов для такого выбора предмета нашего интереса несколько. Первый – 130 лет со дня рождения В.В. Виноградова, концепция модальности которого давно стала классикой и буквально отправной точкой для любого, кто решается включиться в круг изучающих модальность. Кстати, со времени выхода его первой программной статьи о модальности исполнилось 75 лет¹. Еще один повод – это 80-летие известного исследователя модальности Светланы Сергеевны Ваулиной² и проведенная по этому случаю научная конференция «Ваулинские чтения» в Балтийском федеральном университете имени И. Канта, информация о событии научной жизни публиковалась в нашем журнале³. И сразу же следует сказать, что этот номер завершает рубрика **«Научная жизнь: хроника, обзоры, рецензии»**, в которой публикуется рецензия *Зои Леонидовны Новожиновой* из Гданьска на сборник материалов этой конференции, опубликованный в Калининграде.

Статьи номера объединены в две рубрики.

Первая рубрика **«Модальность в семантическом аспекте»** объединяет статьи, авторы которых обращаются прежде всего к модальной семантике, хотя учитывают и другие моменты в использовании модальных показателей. При этом наблюдения авторов касаются разных моментов проявления модальности.

¹ Виноградов В. В. (1950). О категории модальности и модальных словах в русском языке. *Труды Института русского языка. Т. II* (с. 38–79). Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. Позднее статья воспроизведена в книге: Виноградов В. В. (1975). Избранные труды. Исследования по русской грамматике (с. 53–87). Москва: Наука. Концепция модальности представлена и в общей работе: Виноградов В. В. (1972). Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. Москва: Высшая школа; раздел «Модальные слова и частицы. Их разряды» (с. 568–583). Обратит внимание на значение названных работ для исследования модальности я уже имела случай: Шмелева Т. В. (1983). Мысли В. В. Виноградова о модальности и дальнейшее изучение этой семантической категории. *Zbornik radova instituta za strane jezike i književnosti*, 5, 73–81.

² Важно отметить, что к юбилею в Балтийском федеральном университете им. И. Канта переиздали труд Светланы Сергеевны – Ваулина С. С. (2026). Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.): монография (репринтное издание). Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта. 160 с. Впервые эта книга увидела свет в 1988 г., опубликованная в Ленинградском университете, где в 1991 г. С. С. защитила докторскую диссертацию. Переиздание открывается очерком научной деятельности С. С. – Кукса И. Ю. Энергия любви непобедима: в память об ученом, наставнике, руководителе (вместо предисловия) (с. III–XI).

³ Кукса И. Ю., Ткаченко А. И. (2025). Грани модальности: Первые Ваулинские чтения в Калининграде. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 4(18), 82–87. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-4\(18\)-82-87](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-4(18)-82-87)

Татьяна Ивановна Стексова из Новосибирска анализирует семантику неудачи как конститутивный признак смыслового типа русских предложений. Стоит сказать, что она (с учениками) подготовила целую серию таких описаний модальных смысловых типов предложений (невольного осуществления, вынужденности, удачи...), что говорит о плодотворности этого пути изучения модальности как синтаксической категории.

Наши петербургские коллеги *Вадим Алексеевич* и *Валентина Михайловна Беловы*, а также *Елена Сергеевна Крупнова* предложили опыт корпусного исследования слов, которые они, в соответствии с довольно новой традицией, называют дискурсивными, поясняя, что это более широкий класс показателей, чем модальные слова. Исследуя их семантику, которая чаще всего связана с диалогичностью, авторы обращают внимание на частотность каждого из изучаемых слов, их вклад в смысл высказывания, а также отмечают динамику в их использовании и стремятся показать его дифференцированность в разных подкорпусах. Таким образом, эта работа демонстрирует новые подходы к модальности и близким к ней показателям.

Особый подход к изучению модальной семантики показан в статье *Ларисы Николаевны Калининковой* и *Маргариты Николаевны Зыковой* из Калининграда, которые обращаются к сознанию наших юных современников – школьников, выявляя, как они понимают смысл модальных слов типа *должен*. Настаивая на возможности корректировать представления школьников, авторы демонстрируют, как при этом использовать метод ресемантизации.

Таким образом, эти статьи показывают, как по-разному может быть исследована модальная семантика – как классическими, так и современными методами лингвистики, а также психолингвистики.

Вторая рубрика **«Модальность сквозь призму жанра»** включает статьи, в которых изучение модальности масштабируется: она рассматривается в рамках жанра.

Статья *Ирины Юрьевны Кукса* из Калининграда погружает нас в исторический контекст: в ней анализируются тексты, как бы мы сейчас сказали, информационного жанра из первой российской газеты «Ведомости». А статья *Елены Анатольевны Лебедевой* из Великого Новгорода обращается к актуальным текстам, опубликованным в интернете – это кинокритические рецензии на английском языке. Хотя методологически автор исторического исследования ориентируется на грамматико-прагматические установки, а актуального – на стилистику, их объединяет убеждение, что именно жанром определяется обращение к модальности и средствам ее экспликации в каждом из рассмотренных случаев, а значит, их работы показывают плодотворность подхода к модальности в масштабах текста.

В целом статьи этого номера журнала убеждают, что модальность как проявление в высказывании и тексте субъекта (говорящего, автора) не перестает привлекать исследователей, что объясняется как динамичностью модальности в разных дискурсивных условиях, так и поиском новых подходов и методов к ее изучению и описанию.

И, как всегда, в завершение приятно выразить благодарности.

Благодарю сердечно авторов этого номера, которые откликнулись на приглашение и сформировали его интересную географию – от Гданьска и Калининграда до Новосибирска, включая Петербург и, конечно, Великий Новгород.

Особая благодарность рецензентам – докторам филологических наук Виктории Генриховне Дидковской из Великого Новгорода, Вадиму Алексеевичу Белову из Петербурга, Татьяне Михайловне Шкапенко из Калининграда.

До новых встреч на электронных страницах нашего журнала!

Т. В. Шмелева

Letter from the Editor-in-Chief

Dear colleagues, authors and readers!

We dedicate this issue to modality – a linguistic category that has sustained linguists' attention for decades, continually yielding new insights and perspectives.

Several reasons prompted this thematic choice. The first is the 130th anniversary of V. V. Vinogradov's birth; his concept of modality has long been canonical, serving as the foundational starting point for scholars in the field. Incidentally, 75 years have passed since the publication of his first seminal article on the subject¹. Another occasion is the 80th birthday of Svetlana S. Vaulina², a renowned modality researcher, and the "Vaulin Readings" conference held in her honor at Immanuel Kant Baltic Federal University – an event previously covered in our journal³. Appropriately, this issue concludes with the **"Scientific life: chronicle, reviews"** section, featuring Zoya L. Novozhenova's review of the conference proceedings published in Kaliningrad.

The articles in this issue are grouped into two sections.

The first section, **"Modality in Semantic Aspect,"** brings together articles whose authors focus primarily on modal semantics while also considering other aspects of modal marker usage. The authors' observations cover various manifestations of modality.

Tatyana I. Steksova from Novosibirsk analyzes failure semantics as a constitutive feature of Russian semantic sentence types. Notably, she and her students have produced a comprehensive series describing various modal semantic sentence types (involuntary action, compulsion, success, etc.), demonstrating the high productivity of this approach to studying modality as a syntactic category.

Our St. Petersburg colleagues *Vadim A. Belov* and *Valentina M. Belova*, along with *Elena S. Krupnova*, present a corpus study of words they term "discourse words" in accordance with recent terminology, clarifying that this constitutes a broader class of

¹ Vinogradov V. V. (1950). On the category of modality and modal words in Russian. *Proceedings of the Institute of the Russian Language. Vol. 2* (pp. 38–79). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. The article was later reprinted in the book: Vinogradov V. V. (1975). *Selected works: studies in Russian grammar* (pp. 53–87). Moscow: Nauka. The concept of modality is also presented in his comprehensive work: Vinogradov V. V. (1972). *The Russian language: grammatical theory of the word*. 2nd ed. Moscow: Vysshaya Shkola, in the section "Modal words and particles: their categories" (pp. 568–583). I have previously had the occasion to draw attention to the significance of these works for the study of modality: Shmeleva T. V. (1983). V. V. Vinogradov's thoughts on modality and the further study of this semantic category. *Zbornik radova instituta za strane jezike i književnosti*, 5, 73–81.

² It is important to note that to mark the anniversary, Immanuel Kant Baltic Federal University reprinted Svetlana S. Vaulina's work: Vaulina S. S. (2026). *Evolution of the means of expressing modality in the Russian language (11th–17th centuries): monograph* (reprint edition). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publ. 160 pp. This book was first published in 1988 by Leningrad University, where Svetlana S. Vaulina defended her doctoral dissertation in 1991. The reprint opens with an essay on her academic career: Kuksa I. Yu. The energy of love is invincible: in memory of a scholar, mentor, and supervisor (in lieu of a preface) (pp. III–XI).

³ Kuksa I. Yu., & Tkachenko A. I. (2025). Facets of modality: First Vaulina readings in Kaliningrad. *VERBA. North-West linguistic journal*, 4(18), 82–87. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-4\(18\)-82-87](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-4(18)-82-87)

markers than modal words alone. Examining their semantics, which is primarily associated with dialogicity, the authors analyze the frequency of each studied word and its contribution to utterance meaning. Highlighting increasing frequency trends, they trace usage dynamics and demonstrate functional differentiation across various subcorpora. This work effectively showcases novel approaches to modality and related linguistic markers.

A distinct approach to modal semantics is presented by *Larisa N. Kalinnikova* and *Margarita N. Zyкова* from Kaliningrad, who examine the linguistic consciousness of schoolchildren to uncover how they comprehend modal words such as *dolzhen* ("must"). Advocating for the possibility of reshaping students' conceptual understanding, the authors demonstrate the practical application of the resemantization method.

Together, these articles illustrate the diverse methodologies available for investigating modal semantics, employing both classical and contemporary techniques from linguistics and psycholinguistics.

The second section, "**Modality Through Genre Prism,**" scales up the inquiry by examining modality within specific generic frameworks.

Irina Yu. Kuksa from Kaliningrad immerses the reader in a historical context, analyzing texts from Russia's first newspaper, *Vedomosti*, which belong to what we would now classify as the informational genre. Conversely, *Elena A. Lebedeva* from Veliky Novgorod examines contemporary online texts, specifically English-language film reviews. While the historical study is methodologically grounded in grammatical-pragmatic frameworks and the contemporary one in stylistics, both authors share the conviction that genre dictates the deployment of modality and its expressive means. Their work convincingly demonstrates the productivity of analyzing modality at the textual level.

Overall, the articles in this issue confirm that modality – as the manifestation of the subject (speaker or author) within an utterance or text – continues to captivate researchers. This enduring interest is driven both by the dynamic nature of modality across diverse discursive conditions and by the ongoing search for novel analytical approaches and descriptive methods.

As always, it is a pleasure to conclude with expressions of gratitude.

I extend my sincere thanks to the contributors of this issue, whose enthusiastic participation has created a fascinating geographic spread – from Gdańsk and Kaliningrad to Novosibirsk, encompassing St. Petersburg and, of course, Veliky Novgorod.

Special gratitude goes to our reviewers: Victoria G. Didkovskaya from Veliky Novgorod, Vadim A. Belov from St. Petersburg, and Tatyana M. Shkapenko from Kaliningrad, all Doctors of Philology.

Until we meet again on the digital pages of our journal!

T. V. Shmeleva

МОДАЛЬНОСТЬ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ / MODALITY IN SEMANTIC ASPECT

Семантика неудачи: модальность как конститутивный признак смыслового типа предложения

Т. И. Стексова

Failure semantics: modality as constitutive feature in semantic sentence types

T. I. Steksova

Татьяна Ивановна Стексова – доктор филологических наук, профессор, кафедра современного русского языка и методики его преподавания; Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: steksova@inbox.ru

Статья поступила: 03.02.2026. Принята к печати: 14.03.2026.

В статье предлагается характеристика смыслового типа предложения на основе общего модального значения неудачи. Под неудачей понимается ситуация контролируемого действия субъекта с неконтролируемым результатом (недостижение цели). Рассматриваются компоненты этой ситуации. Отмечается, что способы выражения ситуации неудачи достаточно разнообразны, включают в себя и лексические, и синтаксические средства, что вполне согласуется с утверждением В. В. Виноградова о смешанном лексико-грамматическом характере семантической категории модальности. Данная семантика может выражаться через предикат или актанта. Среди предикатных способов прежде всего выделяются два типа безличного предложения с результативными глаголами с отрицанием (*не получилось, не удалось, не вышло*): безлично-инфинитивная конструкция (*Отправить посылку не получилось у кого*) и безлично-предложная конструкция (*С отправкой посылки не получилось у кого*). Семантика неудачи может быть выражена и двусоставными предложениями. В одних случаях субъект неудачного действия выражается косвенным падежом, а позицию подлежащего занимает существительное, обозначающее цель, ожидаемый результат действия. В других случаях используется двусоставная конструкция с личными результативными глаголами сов. в. с отрицанием: *не смог, не сумел, не справился* и под. Отмечается, что эту семантику может выражать и само существительное *неудача*, которое занимает позицию активно действующего субъекта, а также другие лексические показатели, как, например, наречие *напрасно*. Обсуждается проблема выбора говорящим одной из возможных конструкций выражения неудачи.

Tatyana I. Steksova – Dr. Sci. in Philology, Professor, Department of Modern Russian language and teaching methodology; Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4275-7450

Received: 03.02.2026. Accepted for publication: 14.03.2026.

This article proposes a characterization of a semantic sentence type based on the general modal meaning of failure. Failure is defined as a situation involving a subject's controlled action yielding an uncontrolled result (goal non-attainment). The situation components are examined. The study notes that failure expression means are highly diverse, encompassing both lexical and syntactic devices, which fully aligns with V. V. Vinogradov's assertion regarding the mixed lexico-grammatical nature of the modality semantic category. This semantics can be expressed via the predicate or the actant. Among predicative means, two types of impersonal sentences with negative resultative verbs are primarily distinguished: the impersonal-infinitive construction and the impersonal-prepositional construction. Failure semantics can also be expressed through bipartite sentences. In some instances, the failed action subject is expressed via an oblique case, while the subject position is occupied by a noun denoting the action's goal or expected result. In other instances, a bipartite construction with personal negative resultative perfective verbs is used. The study notes that this semantics can also be conveyed by the noun "failure" itself occupying an active subject position, alongside other lexical indicators such as the adverb "in vain". The problem of speaker choice among possible failure expression constructions is discussed. The study hypothesizes that this choice is conditioned by whom or what the speaker holds responsible for the failure.

Выдвигается предположение, что выбор обусловлен тем, на кого/что говорящий возлагает ответственность за неудачу.

Ключевые слова: русский язык, модальность, смысловой тип, неудача, выбор конструкции

УДК 811.161.1:81'37

Keywords: Russian language, modality, semantic type, failure, construction choice

OECD: 6.020Y

Постановка проблемы. В статье ставится проблема осмысления модальности как конститутивного признака смыслового типа предложения и демонстрации такого пути исследования на примере семантики неудачи. Конкретно ставится задача представить смысловой тип русских предложений с модальной семантикой неудачи.

История вопроса. Историю изучения поставленной проблемы можно видеть в изучении модальности в русской грамматической традиции, в частности, в статье В. В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке», написанной задолго до семантического бума в лингвистике и до сих пор сохраняющей свою актуальность для русского синтаксиса.

Можно перечислять огромное количество научных работ, где модальность является объектом внимания лингвистов. Но широкое в смысловом отношении понимание модальности В. В. Виноградовым было «сужено» в позднейших работах: «термин модальность относят к тому кругу значений, который выражается формами глагольных наклонений и “классическими” модальными глаголами типа хотеть, мочь и т. д.» [Шмелева, 1983, с. 74]. Все другие модальные значения в Грамматике-70 относятся к субъективной модальности, огромная роль в исследовании которых принадлежит Г. А. Золотовой [Золотова, 1973, 1982, 2004], ее ученикам [Никитина, Онипенко, 2022] и другим последователям, например, [Ермакова, 2023].

Развитие семантического синтаксиса, внимание к смысловой организации предложения позволяют с опорой на работу В. В. Виноградова интерпретировать понятие модальности шире как комплекс семантических категорий, в которых проявляются разнообразные субъективные квалификации говорящим описываемых событий, или как «семантическую категорию», которая «находит свое выражение в лексической системе языка и его грамматическом строе» [Виноградов, 1975], что приводит к понятию «смысловые типы предложения».

Методология и методика исследования. Методологически настоящая работа ориентирована на семантический синтаксис и его ключевое понятие «смысловые типы предложения» с опорой на опыт описания смысловых типов русского предложения в отечественном синтаксисе. Из фундаментальных назовем монографии [Арутюнова, Ширяев, 1983], где всесторонне представлены бытийные предложения, и [Стексова, 2002a], где описаны предложения, модус которых включает смысл невольности осуществления ситуации. К такого рода исследованиям можно отнести и работы [Лессонен, 2008; Матханова, 2001; 2013; Плотникова, 2018; Стексова, 2023; Ян, 2024]. Правда, понятие *смысловой тип предложений* авторы названных работ не используют, но очевидно, что в их работах речь идет именно об этом. Теоретическое обоснование понятия *смысловой тип* было предложено в [Шмелева, 1994], затем

уточнено и конкретизировано на примере изъяснительных предложений [Стексова, Шмелева, 2021].

Итак, в соответствии с этим опытом и теорией семантического синтаксиса, смысловой тип предложения – это семантическая модель, которая характеризуется рядом конститутивных признаков. Смысловой тип может быть представлен разными по структуре предложениями (конструкциями), которые объединяются по какому-либо общему для них семантическому критерию, хотя по другому критерию они могут входить в другой смысловой тип.

Особую группу представляют русские предложения, в которых говорящий квалифицирует некое положение дел как неудачу, что позволяет описать их как смысловой тип предложений с семантикой неудачи.

Анализ материала. В качестве предварительного действия обратимся к толкованию ключевого слова этой смысловой сферы – *неудача* – в словарях¹:

НЕУДА́ЧА, -и, ж. Неудачный, неблагоприятный исход какого-л. дела; крушение каких-л. замыслов, планов и т. п.

Неудáча – термин, относящийся к условию или состоянию, не отвечающему желательной или планируемой цели, что можно рассматривать как состояние противоположное успеху или удаче.

*Мы грабим — не стыдись, а ежели что-нибудь и огорчает нас в подобных финансовых операциях, то это только неудача*².

Анализ лексикографических источников показывает, что лексема «неудача» является отглагольным образованием от сочетания глагола с отрицанием «не удаваться». Самым общим значением данного слова можно считать отсутствие положительного результата в процессе достижения целей. Как видим, понятие неудачи напрямую связано с понятием целенаправленной деятельности, неудача – это недостижение поставленной цели в отличие от невольного осуществления, где отражается ситуация, независимая от воли субъекта. Ср. *удачу* и *везение*. Авторская рефлексия показывает, что русский человек различает такие понятия, как **везение** и **удача**: *...Везение – это слепой случай. Шел по улице, бац, кошелек, а в нем два неиспользованных талона на сахар за тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Или: упал спяна на улице, а с тебя только шапку сняли, а ботинки оставили. Вот это везение. А удача – это реализованная возможность. Возможность, понял. А это предусматривает наличие волевого элемента. То есть, везение – это подарок неба, а удача – это уважение неба к трудяге. Недаром говорят: везет дуракам. Про удачу так не говорят...* (Фишман).

Ранее предпринятое нами исследование понятий *удача* и *везение* показало, что для информантов в понимании удачи значимым является целенаправленность деятельности человека и наличие его усилий. Поэтому удачливым называют человека, который «что-то делает для достижения своей цели и у него все получается, человека, умеющего добиваться своей цели (в отличие от неудачника)» [Стексова, 2002б].

Итак, удача понимается как достижение цели, а недостижение цели именуется неудачей. В случае неудачи наблюдается разрыв между намерениями и результатами.

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. Москва: Рус. яз.

² Салтыков-Щедрин М. Е. (1986). Дневник провинциала в Петербурге. Москва: Советская Россия.

Присущие этой модели когнитивные сценарии можно интерпретировать через такие компоненты, как ожидание, ошибка, препятствие и последствие.

Как можно интерпретировать ситуацию неудачи? Это ситуация контролируемого действия, но результат не контролируемый, противоположный ожидаемому.

Компоненты ситуации:

- Субъект действия
- Субъект квалификации ситуации
- Цель действия
- Действия
- Обстоятельства, препятствующие достижению цели
- Отрицательный результат действия

Рассмотрим компоненты этой ситуации.

Отметим сразу, что субъект действия и субъект квалификации ситуации могут совпадать и различаться. Говорящий может быть и субъектом действия, не достигшим цели, и сторонним наблюдателем, интерпретирующим результат деятельности субъекта действия. Ср.: *Я как-то пробовала за ним повторить, но **не получилось**...*³ – *В молодости он хотел гнать бензин из морской воды. **Не получилось**. Ушлые ребята его обошли, добавляя в бензин речную воду*⁴.

Ю. Д. Апресян предложил формулировку: «цель – это то, что некто хочет (содержание чьего-л. желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов» [Апресян, 1974, с. 129]. При этом следует учитывать, что цель отличается от мечты «наличием реальных путей к ее осуществлению» [Жолковский, 1964, с. 70]. Именно поэтому отмечается, что 'цель' – сложный смысл, включающий четыре фундаментальных компонента: 'хотеть', 'считать', 'каузировать' и 'мочь'. О цели говорят тогда, когда человек что-то делает, потому что хочет, чтобы какое-то положение дел начало иметь место. Цель – это некоторая итоговая ситуация, которую субъект хочет каузировать, предполагаемый результат его действий [Богуславская, Левонтина, 2004]. Цель действия не всегда находит свое вербальное выражение, а если выражается, то в виде намерения, желания.

Итак, субъект, поставивший перед собой цель, должен предпринять какие-то действия, приложить усилия для ее достижения. Но усилия могут не привести к желаемому результату, так как достижению цели могут помешать внутренние или внешние препятствия, в таком случае субъект терпит неудачу.

Способы выражения ситуации неудачи достаточно разнообразны, включают в себя и лексические, и синтаксические средства, что вполне согласуется с утверждением В. В. Виноградова, что «семантическая категория модальности в языках разных систем имеет смешанный лексико-грамматический характер» [Виноградов, 1975, с. 57]. Причем исследователь особо отметил важную роль глагольных категорий для выражения значения модальности. В применении к нашему материалу нужно отметить, что семантику неудачи выражают **глагольные формы** сов. в., прош. вр., что вполне ожидаемо, так как неудача – это результат какой-либо деятельности субъекта. Оговоримся, что помимо специализированных («конвенциональных») показателей

³ Савкина Э. Если впрягаюсь, то основательно // Дело (Самара). 2002, 3 мая.

⁴ Салим Мар. Помереть некогда // Бельские просторы. 2018. № 4.

неудачи, существуют и неспециализированные («оказиональные») показатели. Так, на неудачу может указывать отрицание достижения цели действия типа [*искал, но не нашел, [пошел за хлебом, но] не купил его* и т.д. В рамках статьи невозможно представить все разнообразие языковых средств. Остановимся только на некоторых специализированных средствах выражения семантики неудачи.

Прежде всего обнаруживаются предложения с существительным *неудача*, которое занимает позицию активно действующего субъекта: ***Неудача постигла коммунистов только в Финляндии***⁵. *И он стал рассказывать, какая неудача вышла с зарплатой*⁶.

Далее отметим использование безличных форм результативных глаголов сов. вида с отрицанием: *не получилось, не удалось, не вышло. К сожалению, совокупность этих историй успеха не дает нам доступа к информации, у скольких людей ничего не получилось* или *у скольких использование этой стратегии привело к обратному результату — провалу, разорению, проигрышу*⁷. Эти глаголы функционируют в двух типах безличного предложения:

– **безлично-инфинитивная конструкция**: *Отправить посылку не получилось (у кого). Главное, с чем не справился СПС в Думе, — у них не получилось выстроить четко артикулированную правую позицию, которая заставила бы сдвинуться вправо и «Единую Россию», и всех*⁸. Причем в предикативной единице не все компоненты этой конструкции могут быть вербально выражены, так как они названы в контексте. *Дети, лохматые, нечесаные, попытались схватить его за руку, но не получилось*⁹. Нарушения в ходе реализации ситуации и неудача результата могут выражаться и глаголами *удаваться / удался*, которые тоже являются имплицативными, однако их субъект выражается дативом: *В рукопашной схватке ему не удалось обезвредить бандита — оцарапанный шампуром, тот наставил на коммерсанта пистолет*¹⁰.

– **безлично-предложная конструкция**: *С отправкой посылки не получилось (у кого).*

*Очень серьезно настраивался на вторую партию, понимал, что это мой шанс, но, к сожалению, с дебютом не получилось*¹¹. *С квартирами не получилось, и теперь, насколько можно понять, генералы решили заложить в смету ремонт и закупки военной техники*¹². Отметим, что предложная словоформа существительного, даже если существительное не отглагольное (*квартиры*) имеет пропозитивное прочтение. Называние ситуации может замещаться названием ее актанта: *С билетом не получилось* – то есть не получилось купить, достать билет.

⁵ Яковенко И. Счастливая неизбежность // Знание – сила. 2003. № 4. С. 20.

⁶ Каралис Д. Н. Автопортрет: извлечения из дневников 1981–1992 гг. Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 1999.

⁷ Непряхин Н. Ю. Анатомия заблуждений: большая книга по критическому мышлению. Москва: Альпина Паблишер, 2022.

⁸ Рыклин А. Пусть игра стоит свеч // Еженедельный журнал. 2003, 8 апреля.

⁹ Петрушевская Л. Маленькая волшебница // «Октябрь». 1996. № 1. С. 3–62.

¹⁰ Шарова Л. Трассовики // Ежедневные новости. 2003, 17 января.

¹¹ Атаров Е. Надеюсь, будет легче... // 64 – Шахматное обозрение. 2004, 15 ноября.

¹² Военная хитрость // Еженедельный журнал. 2003, 28 апреля.

Эти же глаголы могут функционировать и в **двусоставной конструкции**: *Отправка не получилась (у кого); Работа не клеится (у кого)*. Причем, субъект неудачного действия здесь выражается косвенным падежом, а позицию подлежащего занимает существительное, обозначающее цель, ожидаемый результат действия. Такие глаголы с семантикой неудачи, как *получиться, выйти* в двусоставной конструкции дают оценку конечному результату. *Прыжок не получился* – некий субъект совершил прыжок, но не получил желаемого, удовлетворительного результата.

Таким образом, *неудача* здесь получает оценку с позиции хорошо/плохо непосредственно для субъекта, то есть она связана не с констатацией самого факта случившегося (было/не было), а с раскрытием смыслов и интерпретации ситуации. Подлежащее может быть выражено и абстрактными существительными: *Стихи не удались*. Что касается глагола неудачи *не получиться*, то в двусоставной конструкции он тоже выражает определенную оценку: *Статья у него в этот раз явно не получилась*. Т. е. статью субъект действия написал, но она получилась не такой хорошей, как обычно или как ожидалось.

Семантику неудачи можно выразить и двусоставной конструкцией с личными результативными глаголами сов. в. с отрицанием: *не смог, не сумел, не справился* и под. *Да действительно, я принципиально не стала ни с кем договариваться, а сам он не смог, хоть и пытался*¹³.

Однако возможны такие случаи, когда в двусоставном предложении позицию субъекта занимают существительные, причем объекты и явления, которые данные существительные обозначают, в семантическом плане можно разделить на две группы: внешние по отношению к человеку:

*Не склеилось дело и со строительством жилых домов*¹⁴. Фондан забыт, и все попытки спасти его от забвения, а такие **попытки** предпринимаются вновь и вновь, **терпят крах**¹⁵. Очень скоро **карьера** отца **терпит крах** из-за его неуместной принципиальности¹⁶. Мирные **переговоры** с Центральными державами к февралю 1918 года **зашли в тупик**¹⁷.

и как бы находящиеся внутри его:

*И тут **мысль** Сидорова **зашла в тупик** и забила беспомощно, как муха в стакане*¹⁸.

К лексическим средствам выражения ситуации неудачи можно отнести и **наречия**, такие, как например, наречия *напрасно* в значении неэффективности действия [Зализняк, 2006, с. 117]. Описывая это многозначное наречие, Анна А. Зализняк отмечает, что это значение можно представить следующим образом:

Х производит действие Р

Х хочет, чтобы было Q

Х считает, что Р приведет к Q

Р не приводит к Q

¹³ EVA.RU: сайт. Форум. URL: https://eva.ru/static/forums/103/2004_9/188625.html?ysclid=mubbbpdmxh1785117454

¹⁴ Салтыков С. Четвертый Генеральный План // Столица. 1997, 11 ноября.

¹⁵ Макушинский А. Город в долине: роман // Знамя. 2012. № 5. С. 8–60.

¹⁶ Садулаев Г. Таблетка: роман. Москва: Ad Marginem, 2008.

¹⁷ Кувалдин С. Смутный день календаря // Сноб. 2018, 22 февраля.

¹⁸ Петросян Т. Записка // Трамвай. 1990. № 3. С. 26–27.

Другими словами, субъект для достижения своей цели совершал некое контролируемое им действие, но оно не привело к ожидаемому результату, он потерпел неудачу:

*Напрасно читатель станет искать название оригинала книги — указано только издательство, которому принадлежат права¹⁹. В темноте Почкин метался от дома к дому, звал, колотил... все **напрасно!**²⁰*

В подобных случаях наречие, маркирующее неудачу, может сочетаться только с глаголами несов. в., так как действие не достигает своего предела, в других же значениях это наречие вполне может быть связано с глаголами сов. в. Ср: *Напрасно ты это сказал.*

Кроме того, в русскоязычной культуре присутствует сценарий описания неудачи, который включает устойчивые выражения и обороты, часто используемые для описания подобных ситуаций. Примером могут служить идиомы и фразеологизмы, такие как «терпеть крах», «разбиться о стену», «наступить на те же грабли» и т. д. Одним из ключевых элементов в понимании концептуализации неудачи является метафорический перенос. В русском языке широко используются пространственные метафоры (например, «выйти на ложный путь») и метафоры движения («зайти в тупик»), которые помогают более ясно выразить сложные и абстрактные концепции неуспеха.

Обстоятельства, препятствующие достижению цели, чаще вербально не выражаются, хотя в денотативной ситуации они обязательно присутствуют. Либо эти обстоятельства могут быть названы в контексте:

*Но получить высшее образование у девушек **не получилось**, так как они являлись жительницами другого государства и за образование должны были платить большие деньги²¹.*

Таким образом, в личные конструкции с описываемой семантикой вовлечены помимо существительного *неудача*, существительные, обозначающие внешние или внутренние объекты и явления (*дело, мысль* и др.) и результативные глаголы с отрицанием (*не смог, не сумел*); безличные же конструкции, включающие глаголы сов. вида с отрицанием (*не удалось, не получилось* и др.), представлены двумя подтипами: безлично-инфинитивным и безлично-предложным; значимым представляется для выражения данной семантики наречие *напрасно* и ряд идиом.

Выводы. Итак, в соответствии с мыслью В. В. Виноградова о том, что различия в способах выражения какой-либо модальности связаны с внутренними различиями в ее синтактико-семантических функциях и в ее функционировании [Виноградов, 1975, с. 58], модальная семантика неудачи формирует смысловой тип предложения, реализуемый в серии конструкций. При этом выбор конструкции говорящим обуславливается тем, на кого или на что он возлагает ответственность за неудачу.

Неудача может быть осознана как следствие внутренних или внешних факторов. В первом случае внимание сосредоточивается на способности субъекта контролировать свои действия и исправлять ошибки, во втором – на обстоятельствах, которые могут быть вне контроля агенса, таких как случайности, чужая воля,

¹⁹ Фрумкина Р. Последние свидетели // Отечественные записки, 2003, № 1

²⁰ В ночь на Ивана-Купалу // Трамвай, 1990, № 7.

²¹ Демьянова О. Вот, например // Столица, 1997.06.10

социальные условия и т.д. Эти различия находят свое отражение на языковом уровне через различные выражения и обороты речи, используемые для описания ситуаций неудач. Если ответственность за неудачу возлагается самим субъектом действия или наблюдателем на производителя действия, то чаще выбираются личные конструкции с глаголами типа: *не смог, не сумел* и под. Конечно, не смочь что-либо сделать можно и из-за объективных внешних препятствий, но в таком случае они должны быть обязательно вербализованы. А вот выбор безличных конструкций всегда предполагает внешние препятствия. Анна А. Зализняк предлагает упорядочить цепочку глаголов по мере уменьшения доли ответственности субъекта за конечный результат следующим образом: *смог – удалось – получилось – вышло – сложилось – случилось* [Зализняк, 2006, с. 226]. Использование глаголов *получилось, вышло, сложилось* выражает идею, что результат не полностью контролируется субъектом. Функционирование наречия *напрасно* чаще связано с наличием внешних препятствий, так же, как и использование существительного *неудача* в субъектной позиции. Говорящий как бы одушевляет его, приписывает ему возможность действовать самостоятельно, независимо от человека.

Предварительные наблюдения показывают, что в ситуации неудачи русскоязычный говорящий охотнее возлагает ответственность за недостижение цели на внешние обстоятельства. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что по данным статистики НКРЯ *не смог* имеет частотность 21,46, а *не удалось* – 32,73. Требуются дальнейшие исследования выбора говорящим из всего многообразия доступных средств определенного способа выражения неудачи (может быть, путем психолингвистического эксперимента), т. к., как представляется, семантика неудачи является достаточно важным компонентом русской языковой картины мира.

Литература

Апресян, Ю. Д. (1974). *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. Москва: Наука.

Арутюнова, Н. Д., & Ширяев, Е. Н. (1983). *Русское предложение. Бытийный тип: (структура и значение)*. Москва: Русский язык.

Богуславская, О. Ю., & Левонтина, И. Б. (2004). Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке. *Вопросы языкознания*, 2, 68–88.

Виноградов, В. В. (1975). О категории модальности и модальных словах. *Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: избранные труды* (с. 53–87). Москва: Наука.

Ермакова, Л. В. (2023). Модальность возможности и необходимости в новостном и информационно-аналитическом типах дискурса СМИ. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, 9(3), 27–42. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_27

Жолковский, А. К. (1964). Лексика целесообразной деятельности. *Машинный перевод и прикладная лингвистика: сборник статей. Вып. 8* (с. 67–103). Москва: Изд-во МГПИИЯ.

Зализняк, А. А. (2006). *Многозначность в языке и способы ее представления: монография*. Москва: Языки славянских культур.

Золотова, Г. А. (1973). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука.

Золотова, Г. А. (1982). *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Наука.

Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., & Сидорова, М. Ю. (2004). *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова.

Лессонен, Н. В. (2008). *Высказывания с семантикой вынужденного действия в современном русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет.

Матханова, И. П. (2001). *Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена.

Матханова, И. П. (2013). Высказывания со значением поведения: принцип естественной классификации и анализ нецентральных элементов системы. *Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации* (с. 227–247). Москва: Языки славянской культуры.

Никитина, Е. Н., & Онипенко, Н. К. (2022). Семантика и прагматика высказываний с эмотивными предикатами. *Сибирский филологический журнал*, 2, 271–285. <https://doi.org/10.17223/18137083/79/19>

Плотникова, А. М. (2018). Предложения с семантикой превращения в русском языке. *Фортунадовские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной*

References

Apresyan, Yu. D. (1974). *Lexical semantics: synonymous means of language*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Arutyunova, N. D., & Shiryayev, E. N. (1983). *The Russian offer. Being type: (structure and meaning)*. Moscow: Russian Language Publ. (In Russian)

Boguslavskaya, O. Yu., & Levontina, I. B. (2004). The meanings of 'cause' and 'purpose' in natural language. *Questions of Linguistics*, 2, 68–88. (In Russian)

Ermakova, L. V. (2023). The modality of opportunity and necessity in the news and information-analytical types of media discourse. *Theoretical and Applied Linguistics*, 9(3), 27–42. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_27 (In Russian)

Lessonen, N. V. (2008). *Statements with the semantics of forced action in modern Russian: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ. (In Russian)

Matkhanova, I. P. (2001). *Statements with the semantics of the state in modern Russian: dissertation for the degree of Doctor of Philology*. St. Petersburg: Herzen University Publ. (In Russian)

Matkhanova, I. P. (2013). Statements with the meaning of behavior: the principle of natural classification and analysis of non-central elements of the system. *Problems of functional grammar: the principle of natural classification* (pp. 227–247). Moscow: Languages of Slavic Culture Publ. (In Russian)

Nikitina, E. N., & Onipenko, N. K. (2022). Semantics and pragmatics of statements with emotive predicates. *Siberian Philological Journal*, 2, 271–285. <https://doi.org/10.17223/18137083/79/19> (In Russian)

Plotnikova, A. M. (2018). Sentences with semantics of transformation in Russian. *Fortunatov readings in Karelia: collection of reports of the International scientific conference, 2018, 10–12 September, Petrozavodsk: in 2 parts. Part 1* (pp. 82–84). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ. (In Russian)

Shmeleva, T. V. (1983). V. V. Vinogradov's thoughts on modality and further study of this semantic category. *Zbornik rabova instituta za strane jezike i knjizevnosti*, 5, 84–98. (In Russian)

Shmeleva, T. V. (1994). Encyclopedia of semantic types of sentences. The experience of understanding the problem and systematizing the facts. *System analysis of significant units of the Russian language: semantic types of sentences: interuniversity collection. Part 1* (pp. 4–17). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ. (In Russian)

Steksova, T. I. (2002a). *The semantics of involuntariness in the Russian language: meaning, expression, functions*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ. (In Russian)

Steksova, T. I. (2002b). "Udacha" and "Vezenie" in the dictionary and linguistic consciousness. *Problems of interpretation in Linguistics and Literary studies: Materials of the Third Philological Readings, 2002, 28–29 November*.

конференции, 10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск: в 2 ч. Ч. 1 (с. 82–84). Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет.

Стексова, Т. И. (2002а). *Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета.

Стексова, Т. И. (2002б). «Удача» и «везение» в словаре и языковом сознании. *Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Третьих Филологических чтений, 28–29 ноября 2002 года. Т. 1: Лингвистика* (с. 73–77). Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета.

Стексова, Т. И. (2023). Высказывания с семантикой подконтрольности. *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 78–88. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2\(7\)-78-88](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2(7)-78-88)

Стексова, Т. И., & Шмелева, Т. В. (2021). Русское изъяснительное предложение как смысловой тип. *Сибирский филологический журнал*, 3, 272–286. <https://doi.org/10.17223/18137083/76/20>

Шмелева, Т. В. (1983). Мысли В. В. Виноградова о модальности и дальнейшее изучение этой семантической категории. *Zbornik radova instituta za strane jezike i knjizevnosti*, 5, 84–98.

Шмелева, Т. В. (1994). Энциклопедия смысловых типов предложения. Опыт осмысления проблемы и систематизации фактов. *Системный анализ значимых единиц русского языка: смысловые типы предложения: межвузовский сборник. Ч. 1* (с. 4–17). Красноярск: Красноярский государственный университет.

Ян, Ч. (2024). Модальность интенсивности в свертхтексте русского коронавирусного социального плаката. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*, 3(82), 122–132. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2024.3.122>

Vol. 1: *Linguistics* (pp. 73–77). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ. (In Russian)

Steksova, T. I. (2023). Statements with control semantics. *Verba. North-Western Linguistic Journal*, 2(7), 78–88. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2\(7\)-78-88](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2(7)-78-88) (In Russian)

Steksova, T. I., & Shmeleva, T. V. (2021). The Russian explanatory sentence as a semantic type. *Siberian Philological Journal*, 3, 272–286. <https://doi.org/10.17223/18137083/76/20> (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1975). About the category of modality and modal words. *Vinogradov V. V. Studies on Russian grammar: selected works* (pp. 53–87). Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Yang, Ch. (2024). The modality of intensity in the supertext of the Russian coronavirus social poster. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 3(82), 122–132. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2024.3.122> (In Russian)

Zaliznyak, A. A. (2006). *Ambiguity in language and ways of its representation: monograph*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (In Russian)

Zholkovsky, A. K. (1964). Vocabulary of expedient activity. *Machine translation and applied linguistics: a collection of articles. Issue 8* (pp. 67–103). Moscow: MGPIA Publ. (In Russian)

Zolotova, G. A. (1973). *An essay on the functional syntax of the Russian language*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Zolotova, G. A. (1982). *Communicative aspects of Russian syntax*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., & Sidorova, M. Y. (2004). *The communicative grammar of the Russian language*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian)

Для цитирования:

Стексова, Т. И. (2026). Семантика неудачи: модальность как конститутивный признак смыслового типа предложения. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(19), 9–18. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-9-18](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-9-18)

For citation:

Steksova, T. I. (2026). Failure semantics: modality as constitutive feature in semantic sentence types. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(19), 9–18. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-9-18](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-9-18) (In Russian).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Диалогизирующие дискурсивные слова в зеркале корпусных данных

В. А. Белов, В. М. Белова, Е. С. Крупнова

Dialogizing discourse words: corpus data evidence

V. A. Belov, V. M. Belova, E. S. Krupnova

Вадим Алексеевич Белов – доктор филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Валентина Михайловна Белова – кандидат филологических наук; Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: belova.valentina.m@gmail.com

Елена Сергеевна Крупнова – ассистент, аспирант; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: krupnalena@mail.ru

Статья поступила: 20.02.2026. Принята к печати: 23.03.2026.

В настоящей работе рассматриваются особенности употребления дискурсивных слов в разных регистрах и стилях речи русского языка. Дискурсивными словами называются единицы, объединенные по функциональному признаку. Актуальность исследования связана с тем, что дискурсивные слова частотны в современной речи, однако их семантика не описана должным образом. Материалом исследования стали данные Национального корпуса русского языка. Для анализа были выбраны дискурсивные слова, выражающие уверенность / неуверенность в сообщаемом: *конечно, безусловно, очевидно / наверное, вероятно, скорее всего* и пр. Гипотеза исследования: в современных текстах дискурсивные слова преимущественно выполняют диалогизирующие функции, поэтому они более частотны в текстах, предполагающих диалогичность. Результаты исследования показывают, что дискурсивные слова максимально частотны в устной речи, а также они достаточно частотны в текстах социальных сетей, в газетных жанрах и классической русской литературе. Дискурсивные слова низкочастотны в поэтической речи. Активное использование дискурсивных слов связано с их ролью в непосредственном взаимодействии между участниками коммуникативной ситуации. Дискурсивные слова становятся одним из средств создания диалогизации текста: они выполняют такие прагматические функции, как установление контакта между участниками коммуникации, смены темы, создании иронии и пр. В поэтических текстах дискурсивные слова преимущественно выполняют основную функцию – выражение уверенности / неуверенности в сообщаемом. Наиболее частотными во всех регистрах среди дискурсивных слов данной группы являются единицы *конечно, может быть, наверное, вероятно*. В работе также обсуждается проблема грамматической омонимии

Vadim A. Belov – Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4173-2000

Valentina M. Belova – Cand. Sci. in Philology; HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6057-1580

Elena S. Krupnova – Assistant Professor, PhD student; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0009-0007-3127-2737

Received: 20.02.2026. Accepted for publication: 23.03.2026.

This study examines the usage features of discourse words across different registers and styles. Discourse words are defined as units grouped by functional characteristics. Research relevance stems from the high frequency of discourse words in modern speech, yet their semantics remain inadequately described. The research material comprises data from the Russian National Corpus. The analysis focused on discourse words expressing certainty or uncertainty regarding the communicated message: *konechno* (“certainly”), *bezuslovno* (“undoubtedly”), *ochevidno* (“obviously”), *naverno* (“probably”), *veroyatno* (“likely”), *skoree vsego* (“most likely”), etc. The research hypothesis posits that in modern texts, discourse words primarily perform dialogizing functions, making them more frequent in texts presupposing dialogicity. Results indicate that discourse words are maximally frequent in spoken language, and sufficiently frequent in social media texts, newspaper genres, and classic Russian literature. Discourse words exhibit low frequency in poetic speech. Their active use relates to their role in direct interaction between communicative situation participants. Discourse words become a text dialogization tool, performing pragmatic functions such as establishing contact between communication participants, shifting topics, and creating irony. In poetic texts, discourse words predominantly perform their primary function: expressing certainty or uncertainty regarding the communicated message. The most frequent units across all registers within this discourse word group are *konechno* (“certainly”), *mozhet byt'* (“perhaps”), *naverno* (“probably”), and *veroyatno* (“likely”). The study also discusses the problem of grammatical homonymy in discourse words and the complexities of determining part-of-speech classification.

дискурсивных слов и сложности определения частеречной принадлежности.

Ключевые слова: дискурсивные слова, диалогизация, субъективная модальность, корпус

Финансирование: исследование выполнено при поддержке гранта № 25-28-03474 Российского научного фонда «Изучение семантико-функциональных свойств дискурсивных слов психолингвистическими методами» (соглашение № 25-28-03474 от 16.02.2026).

УДК 811.161.1:81'42

Keywords: discourse words, dialogization, subjective modality, corpus

Funding: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 25-28-03474 “Studying the semantic and functional properties of discourse words using psycholinguistic methods” (grant agreement No. 25-28-03474, dated February 16, 2026).

OECD: 6.04OY

V

Постановка проблемы. Дискурсивные слова изучаются в рамках недавней, но богатой традиции в отечественной и зарубежной лингвистике. Под ними понимаются единицы (слова и словосочетания), лишенные пропозиционального содержания и выполняющие дискурсивные функции (подобный подход представлен, например, в работах [Баранов и др., 1993; Кибрик, Подлесская 2009; Andersen, Fretheim 2000; Fraser 1996]). Среди важнейших характеристик этих единиц называются выполнение многообразных текстовых и коммуникативных функций, мультикатегориальность, диффузность семантики и отсутствие денотативного значения. Еще одна важная особенность дискурсивных слов связана с ростом их частотности в современных текстах. Для иллюстрации на рисунке 1 представлены данные о частотности лемм *конечно*, *наверно*, *наверное*, по данным основного корпуса Национального корпуса русского языка.

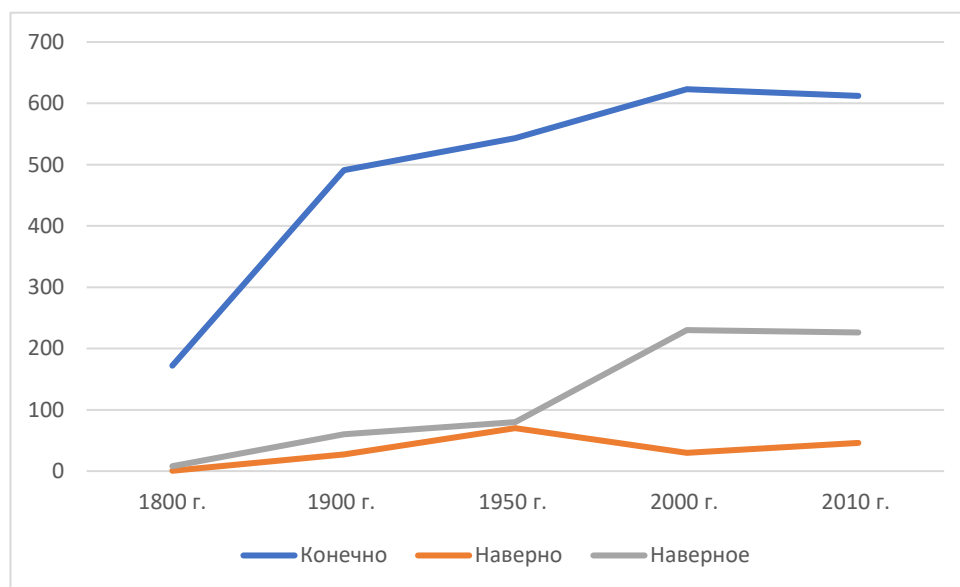

Рис. 1. Частотность лемм *конечно*, *наверно*, *наверное* в диахроническом аспекте (количество употреблений на миллион словоформ корпуса)

Диахронические данные показывают, что частотность дискурсивных слов постепенно возрастает. Постараемся объяснить причины такого роста и проанализировать особенности современного употребления дискурсивных слов.

Цель настоящего исследования – описать особенности употребления дискурсивных слов в разных стилях (регистрах) русского языка на основе корпусных данных.

История вопроса. Интерес к дискурсивным словам связан с усилением функционального подхода к языку, который предполагает описание единиц прежде всего с точки зрения функционирования (в предложении, тексте). Дискурсивные слова – достаточно разнородная группа единиц, включающая единицы разных частей речи. Морфологически они восходят к разным частям речи, однако в русском языке большинство единиц относятся к модальным словам (*конечно, вероятно, кстати, по-моему*). Также в разряд дискурсивных слов могут быть отнесены частицы, наречия и союзы (*даже, едва, да* и пр.).

Дискурсивные слова употребляются в текстах разных стилей: они отмечаются не только в устной речи, но и в научных текстах. Однако характер их использования значительно различается в этих текстах. Существуют многочисленные исследования дискурсивных слов на примере текстов разных жанров. Так, роль дискурсивных слов в поэтических текстах рассматривается в диссертации [Захаркив, 2023]: по мысли автора, дискурсивные слова выполняют функции, связанные с ориентацией на адресата, формированием связности, дейктическими функциями и др. Онлайн-коммуникация, то есть взаимодействие с помощью информационно-коммуникационных интернет-ресурсов, изучается в работе [Мишиева, 2015]: отмечается, что для этой формы коммуникации характерно сближение устной и письменной речи, экономия и эмоциональность. В онлайн-коммуникации активно используются комментирующие (уточняющие, выражающие отношения говорящего), параллельные (добавляющие информацию, в том числе обращения), организационные (формирующие связность и помогающие интерпретировать текст) дискурсивные слова. В интернет-общении основные модальные значения дискурсивных слов направлены на достижения согласия и кооперативного отношения [Костюченко, 2020].

В публицистических текстах, где явно проявляется авторское начало, дискурсивные слова способны выделять коммуникативные интенции говорящего (информирование, предупреждение, критика и пр.) [Манаенко, Манаенко, 2009].

В политическом дискурсе дискурсивные слова могут выполнять не только привычные функции (введение референта, подведение итогов, связывания), но помогают манипулировать аудиторией; это показано на примере сочетания *you know* в работе [Кабахидзе, 2022].

Наиболее часто дискурсивные слова изучаются в устной спонтанной речи. В исследовании [Матанцева, Зырянова, 2026] дискурсивные слова трактуются как неотъемлемый элемент устной разговорной речи: «Спонтанность, неподготовленность, линейный характер порождения, диалогичность – все эти признаки разговорного дискурса создают устойчивую потребность в единицах, выполняющих функции хезитации, коррекции, установления и поддержания контакта, выражения субъективной модальности и логической связности» [Там же].

По данным частотного анализа, выполненного на материале звукозаписей речевого корпуса «Один речевой день» (всего 232370 словоупотреблений, 209 говорящих), дискурсивные слова оказываются на «втором» месте по частоте употребления (после

личных местоимений): наиболее частотными среди них являются *вот, ну, не, да, нет* [Шерстинова, 2016]. Автор указывает, что дискурсивные слова используются для регулирования дискурса, заполнения паузы, обращения к контексту. В устной (диалогической и монологической) речи наиболее частотными дискурсивными словами являются *вот, там, да, значит, говорит* и др. [Богданова-Бегларян и др., 2019; Шерстинова, 2016].

Достаточно большое количество исследований посвящено особенностям употребления отдельных дискурсивных слов в устных текстах. Например, Е. А. Гришина показывает, что в устной речи слово *да* выражает разные формы согласия и одобрения говорящего, поэтому слово обладает многозначностью [Grishina, 2011]. Многозначность также отмечается у слова *вот*, которое выполняет дейктическую (в разных вариантах), оценочную функции [Гришина, 2008]. А. А. Рачева рассматривает употребления двух слов *вот* и *вон* в глубинных интервью: для этих единиц прототипическим значением является указание на объект, однако чаще всего они используются для привлечения внимания адресата; употребляются они и для иллюстрации [Рачева, 2016] (см. схожие выводы в работе [Кобозева, 2007]). В спонтанной речи функции дискурсивных слов различны: «От делимитативной (указание на границы текста или его фрагмента) до чисто хезитативной (заполнение паузы колебания)» [Ерофеева, Юшкова, 2021, с. 22].

Употребление дискурсивных слов подвержено процессу прагматикализации [Богданова-Бегларян, 2019], то есть на первый план выходит не содержание речи, а отношение говорящего к процессу речепорождения. Важно отметить, что автор разграничивает дискурсивные слова, порождаемые сознательно и выполняющие содержательные функции, от прагматических маркеров, создаваемых неосознанно и имеющих ослабленное лексико-семантическое значение. Последние единицы зависимы от контекста. В работе [Hansen, Rossari, 2005] прагматикализация сближается с субъективацией и связывается с процессом регулирования коммуникации.

Однако проблема комплексного изучения употребления дискурсивных слов в разных регистрах речи не рассмотрена должным образом. В целом для языка в процессе эволюции характерно усиление субъективного начала, что приводит к активным процессам грамматикализации и ослаблению основного значения единиц, то есть значение слова в большей степени зависит от контекста [Traugott, 1982].

Методология и методика исследования. Главным инструментом анализа является Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), который представляет разные коллекции текстов, позволяющий выявить частотность употребления слов.

Гипотеза исследования: в современных текстах дискурсивные слова преимущественно выполняют диалогизирующие функции, поэтому они более частотны в текстах, предполагающих диалогичность.

Для анализа были выбраны дискурсивные слова, выражающие уверенность / неуверенность в сообщаемом: *конечно, безусловно, очевидно / наверно, вероятно, скорее всего* и пр. Также дополнительно, в целях сравнения, была проанализирована частотность наиболее частотного дискурсивного слова *вот*, которое в современном русском языке в подавляющем количестве случаев употребляется как частица.

Поскольку все обсуждаемые примеры взяты из НКРЯ, в их паспортизации этот момент не отмечается, указывается только конкретный текст и год его публикации.

Анализ материала. В таблице 1 представлена частотность анализируемых дискурсивных слов разных корпусах НКРЯ. Данные приведены без снятой омонимии / со снятой омонимией (с помощью грамматической разметки «Вводное слово», для слова *вот* используется грамматическая разметка «Частица»). Для расчета средней частотности, медианы (серединного значения, то есть числа, которое находится в середине ряда) не учитывались данные о частотности слова *вот*.

Таблица 1. Употребление дискурсивных слов в разных регистрах (подкорпусах), тысяча употреблений

Дискурсивные слова	Основной корпус	Газетный корпус	Устный корпус	Корпус социальных сетей	Поэтический корпус	Русская классика
Вот	1666 / 1662	547 / 547	14165 / 14165	1604 / 1603	2013 / 2013	1956 / 1955
Конечно	576 / 553	330 / 319	1928 / 1919	520 / 520	172 / 171	371 / 361
Безусловно	32 / 17	59 / 51	112 / 111	31 / 31	6 / 6	8 / 0,08
Естественно	63 / 38	63 / 54	247 / 246	66 / 65	6 / 5	38 / 7
Действительно	253 / 71	200 / 35	594 / 586	219 / 219	19 / 19	255 / 63
Очевидно	106 / 78	65 / 24	75 / 0,2	43 / -	8 / 5	161 / 104
Разумеется	2 / 2	0,1 / 0,1	45 / 45	49 / 49	6 / 6	2 / 1
Несомненно	50 / 27	16 / 13	21 / 21	18 / 18	8 / 8	64 / 6
Наверно	44 / 43	4 / 4	399 / 398	38 / 38	83 / 83	70 / 59
Наверное	130 / 128	92 / 92	529 / 528	167 / 167	32 / 32	70 / 62
Вероятно	140 / 132	53 / 46	53 / 53	38 / 38	17 / 17	231 / 218
Возможно	157 / 68	170 / 144	168 / 166	275 / 275	64 / 64	60 / 2
Видимо	110 / 106	80 / 80	150 / 150	95 / 95	21 / 21	66 / 53
Вероятнее всего	2 / -	8 / -	2 / -	4 / -	- / -	3 / -
Кажется	3 / 3	0/0	630 / 630	257 / 257	219 / 219	639 / -
Скорее всего	30 / -	104 / -	62 / -	86 / -	1 / -	2 / -
По-видимому	77 / 69	10 / 10	41 / 41	6 / 6	3 / 3	69 / 68
По всей видимости	4 / -	15 / -	5 / -	6 / -	- / -	0,1
Пожалуй	106 / 105	40 / 39	78 / 78	56 / 56	66 / 66	134 / 132
Может быть	458 / -	276 / -	1085	295 / -	326 / -	777 / -
Среднее значение	123 / 96	83 / 55	328 / 329	119 / 122	55 / 48	159 / 76
Медиана	77 / 69	59 / 37	112 / 150	56 / 56	18 / 19	69 / 61

Анализ распределения дискурсивных слов по регистрам НКРЯ позволяет сделать ряд существенных наблюдений о характере их функционирования в разных регистрах (стилях речи).

Наиболее частотными во всех регистрах являются единицы *конечно* (553 IPM в основном корпусе, со снятой омонимией), *может быть* (458 IPM)¹, *наверное* (128 IPM), *вероятно* (132 IPM). Отметим для сравнения частотность самого распространенного дискурсивного слова русского языка *вот* (1662 IPM), по данным исследований [Богданова-Бегларян и др., 2019; Шерстинова, 2016].

Устная речь демонстрирует наибольшую концентрацию дискурсивных слов. Особенно показательны единицы: *конечно* (1919 IPM, со снятой омонимией), *может быть* (1085 IPM), *кажется* (630 IPM), *действительно* (586 IPM), *наверное* (528 IPM) и *наверно* (398 IPM). Данные выводы хорошо согласуются с результатами предшествующих исследований и объясняются тем, что в устной коммуникации говорящий постоянно поддерживает связь с собеседником, выражая свое отношение к сообщаемому и взаимодействуя с собеседником. Интересная особенность устной речи связана с тем, что в ней достаточно низкочастотны сочетания *вероятнее всего*, *по всей видимости*, что, возможно, связано с экономией речевых усилий.

Корпус социальных сетей также демонстрирует высокую частотность дискурсивных слов: *конечно* (520 IPM), *может быть* (295 IPM), *возможно* (275 IPM), *кажется* (257 IPM), *видимо* (95 IPM), *скорее всего* (86 IPM), *естественно* (65 IPM), *разумеется* (49 IPM). Состав и частотность частотных дискурсивных слов свидетельствуют о том, что тексты социальных сетей сближаются с устной коммуникацией. Так, активно используются слова *кажется*, *разумеется*, характерные для устного общения и не свойственные письменной речи (по сравнению с частотностью в газетном корпусе и корпусе русской классики). Однако между этими регистрами все же отмечаются различия: так, в устной речи высокочастотны слова *наверно* и *наверное*, в текстах социальных сетей они используются значительно реже.

В газетном корпусе некоторые дискурсивные слова этой группы достаточно частотны, однако среднее значение частотности относительно низкое. Наиболее частотными являются единицы *конечно* (319 IPM), *может быть* (276 IPM), *возможно* (144 IPM), *скорее всего* (104 IPM), *видимо* (80 IPM). В целом набор наиболее частотных дискурсивных слов совпадает с устным корпусом, а различия касаются некоторых слов. Например, слово *кажется* не употребляется в газетных текстах, так как уверенность в этом случае основывается на иррациональном предположении, личном мнении. Напротив, слова, характерные для аналитической деятельности, оказываются более частотны: *скорее всего*, *по всей видимости*: в этих случаях говорящий выражает предположение, одновременно дистанцируясь от полной ответственности за утверждение. Важно обратить внимание, что наиболее частотными дискурсивными словами для выражения неполной уверенности (наличия сомнений у говорящего) в газетном корпусе являются *может быть* и *возможно*, а в устном – *может быть* и *наверное*.

Важно, что в классической прозе дискурсивные слова достаточно частотны. Высокочастотными оказываются единицы *может быть* (777 IPM), *конечно* (361 IPM), *вероятно* (218 IPM), *пожалуй* (132 IPM), *по-видимому* (68 IPM), *действительно*

¹ Частотность сочетания *может быть*, как и других сочетаний, представлена без снятия грамматической омонимии, поэтому не все примеры употребления сочетания может трактовать как дискурсивные. См. далее обсуждение этой проблемы.

(63 IPM). Для русской прозы оказывается выражено личное начало, рефлексия повествователя, что выражается в частом использовании дискурсивных слов. Также в литературных текстах достаточно распространена диалогическая речь.

Наименьшее количество дискурсивных слов отмечается в поэтической речи. Наиболее частотны следующие единицы: *кажется* (219 IPM), *конечно* (171 IPM), *наверно* (83 IPM), *пожалуй* (66 IPM). Отметим, что в поэзии достаточно часто используются слова, характерные для разговорной речи: *кажется*, *наверно*, *пожалуй*.

Отдельного внимания заслуживает проблема омонимии дискурсивных слова. Для целого ряда слов разрыв между данными без снятия и со снятием омонимии оказывается весьма значительным: например, в основном корпусе общая частотность леммы *действительно* составляет 253 IPM, однако доля дискурсивных употреблений составляет всего 28% (71 IPM), для леммы *возможно* (общая частотность – 157 IPM) доля дискурсивных употреблений – 43 % (68 IPM).

Автоматическое снятие грамматической омонимии не всегда корректно. Так, с леммой *действительно* отмечается большое количество спорных и сложных случаев для грамматической разметки. В корпусе к наречиям относится пример (1):

(1) *Ведь иногда жизнь действительно должна быть запечатленной* (НКРЯ: Форум: рецензии на фильм «Служебный роман», 2006–2010).

Представленная грамматическая разметка не совсем корректна, так как наречие характеризует, как правило, действие или качество, а в этом случае анализируемое слово передает отношение говорящего к сообщению и должно рассматриваться как вводное (дискурсивное) слово.

Другая важная проблема – функционирование сочетаний. В Корпусе невозможно провести грамматическую разметку сочетаний типа *может быть, скорее всего*. Наиболее сложный случай – особенности употребления высокочастотного сочетания *может быть* (458 IPM в основном корпусе). Анализ конкретных примеров употреблений этого сочетания показал, что грамматическая характеристика во многом зависит от регистра речи. В устной речи сочетание *может быть* чаще всего функционирует в вводной функции (см. пример (2)), в газетной – оно является частью предложения (пример (3)).

(2) *Может быть / тут сказывается менталитет / что нам все время внушали / что НАТО / это враг* (Беседа в Новосибирске, 2004);

(3) *Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко считает, что документ может быть серьезно доработан* (Парламентская газета, 2021).

Для корректного анализа частотности подобных единиц снятие омонимии является методологически обязательным условием, а данные без ее снятия не могут использоваться как надежная основа для выводов.

В целом проанализированные данные убедительно показывают, что выбор дискурсивного слова определяется регистром (стилем речи): каждый тип корпуса формирует собственный набор предпочтительных ДС, отражающий коммуникативные стратегии, жанровые нормы и степень спонтанности речи.

Обсуждение результатов. В предшествующей работе [Белов, Белова, 2025] нами были выделены основные (прототипические) и периферийные функции дискурсивных слов: для анализируемой группы основная функция предполагает

выражение уверенности / неуверенности говорящего, именно это значение фиксируется в толковых словарях. Периферийные функции, не связанные прямо с выражением уверенности / неуверенности, предполагают диалогизацию текста² и создание эмоционально-оценочного содержания.

Высокая частотность дискурсивных слов характерна для тех текстов, где возможности диалогизации более широкие и более ярко представлено субъективное начало. Характер использования дискурсивных слов в регистрах речи связан с необходимостью диалогизации текста. Наибольшая диалогичность, естественно, характерна для устной речи, что приводит к частотности их употребления. Однако, кроме выражения уверенности / неуверенности, дискурсивные слова выполняют и другие функции. Например, в диалоге (4) говорящий с помощью дискурсивных слов не только выражает уверенность / сомнения, но пытается смягчить свою позицию, чтобы установить контакт со собеседником.

(4) *Студентка2: Не знаю пока... Лучше бы / **конечно** / домой. Я не фанат Москвы. Но / **наверное** / придется здесь какое-то время поработать... А ты что думаешь? Вернешься?*

Студентка1: Нет (Разговор о будущем, Москва, 2005).

В другом примере из газетного корпуса (5) в прямой речи президента также можно выделить стремление говорящего установить контакт с аудиторией за счет принятия чужой точки зрения:

(5) *Ряд мер продлен сейчас, напомнил президент: «Правительство идет на это сознательно, понимая, что происходит. Наверное, можно было бы делать что-то потоньше, побыстрее. Но надо отдать должное нашим коллегам, все это происходит в прямом контакте с бизнес-сообществом»* (Ведомости, 2021).

Иногда функция установления контакта с собеседником может сочетаться со сменой темы или аспекта темы, см. пример (6):

(6) ***Наверное**, и там и там есть определенные плюсы, но лично у меня немного приятных воспоминаний о школе, а вот университет...* (Форум: Универ (институт) VS школа, 2011).

В высказывании (6) говорящий, одновременно частично соглашаясь с собеседником, акцентирует внимание на других аспектах темы.

Интересная функция слова *наверное* часто отмечается в текстах социальных сетей: употребление этого слова выражается, скорее, не сомнение, а подчеркивает типичность этого действия (то есть, по мнению говорящего, обычно слушатель совершает такие действия); см. пример (7):

(7) *Приближается главный праздник всех школьников – День знаний! А как вы обычно отмечаете 1 сентября? **Наверное**, идете в пиццерию или в кино... Усадьба Асеевых предлагает отметить праздник по-новому* (Тамбовский трутень. Канал для жителей Тамбовской области, 2023).

В этом случае говорящий не сомневается в том, что обычно 1 сентября отмечают определенным образом, а, напротив, он считает такие действия типичными для этого праздника.

² Под диалогизацией понимается непосредственное взаимодействие говорящего и слушателя (аудитории) в процессе коммуникации.

Группа дискурсивных слов, выражающих уверенность, иногда создает эффект «ложного согласия» (см. пример (8)), где *конечно* выражает иронию говорящего. Ирония или сарказм, когда глубинный смысл высказывания противоположен прямого значению, характерен для устной речи и текстов с высоким уровнем диалогизации, так как прямое взаимодействие участников ситуации помогает «разгадать» иронию [Jorgensen, 1996].

(8) – *Шалишь! Эх вы, народец, с борку да с сосенки! – Вы все изволите шутить, – возразил отставленный приказный, – а того не хотите сообразить, что дающий волен давать, а принимающий – принимать. Притом же я действовал тут не по собственному наущению, а больше одно лицо участвовало, как я и объяснил... – Конечно, – иронически заметил Михей Михеич. – Лисичка под бороной от дождя хоронилася* (И.С. Тургенев, 1853).

Поэтический текст задает ограниченные рамки для диалогизации, поэтому часто дискурсивные слова преимущественно употребляются в основном значении (функции); см. пример (9), где говорящий выражает сомнения в сообщаемом:

(9) *До тех пор, но, **наверное**, с той поры,
Испытав потрясенье, поверил я,
Что иные, нездешние, есть миры,
Что иные, загробные, есть края* (А.С. Кушнер. Посчастливилось плыть по Оке, Оке..., 2000–2005).

Важно учитывать, что устные, газетные, поэтические тексты могут быть различными по структуре и содержанию. Например, поэтический текст может включать диалоги, напротив, газетные тексты могут содержать официальные документы. В данном случае необходимо описать общие закономерности.

Теоретическое обсуждение характера употреблений дискурсивных слова следует завершить проблемой разграничения понятий *значения* и *прагматическая функция*. Отмечается, что дискурсивные слова лишены денотативного значения, то есть они не обозначают предметы материального мира, а их семантика связана с выражением субъективного отношения к сообщаемому. Указанные особенности приводят к активной семантической деривации дискурсивных слов и их семантической диффузности. Благодаря этому дискурсивные слова сложно описать в рамках традиционной лексикографии, выделив обобщенное лексическое значение, так как оно варьируется за счет взаимодействия с контекстом высказывания, поэтому часто в исследованиях используются термины *прагматическое значение, функция*³ [Fraser, 1996; Захаркив, 2023 и др.]. Функции дискурсивных слов в тексте могут собственно текстовые (прежде всего создание связности) и межличностные (выражение субъективности)) [Brinton, 2008]. Обзор литературы по теме прагматических функций дискурсивных слов представлен в [Alami, 2015]. Однако, учитывая современные функциональные и прагматические исследования [Levinson 2000], следует признать, что выполняемые в контексте прагматические функции являются результатом семантической деривации (расширения) основного значения единицы, возникающие под влиянием контекста. Для дискурсивных слов семантическая деривация

³ В работе [Захаркив, 2023], где набор выполняемых функций дискурсивных слов связывается с общими языковыми функциями

происходит достаточно быстро, что и приводит к теоретическим проблемам при описании «пластичного» значения.

Для анализируемой группы дискурсивных слов изменение значения связано преимущественно с развитием диалогизирующих функций, которые, с одной стороны, являются субъективными (так как акцентируют психологический контакт участников коммуникации), но, с другой стороны, являются средством создания связности текста. Таким образом, дискурсивные слова *конечно, наверное, действительно* и др. становятся важными диалогизирующими средствами современного русского языка.

Выводы. Результаты исследования показывают, что дискурсивные слова этой группы достаточно частотны практически во всех анализируемых регистрах (кроме поэтического). Они в большей степени характерны для текстов, открытых для диалогизации и выражения модальных (субъективных) значений. Как правило, активное использование дискурсивных слов вызывает расширение значения, поэтому эти единицы, кроме основного значения, способны выполнять диалогизирующие функции (установление контакта, смены темы и пр.).

Данные единицы традиционно относятся к средствам так называемой субъективной модальности, то есть выражают «отношение говорящего к сообщаемому» [Кронгауз, 2005, с. 196]. Однако, учитывая функциональные особенности употребления дискурсивных слов, следует уточнить понимание субъективной модальности, так как дискурсивные слова прежде всего являются диалогизирующими средствами. Как представляется, понятие субъективной модальности стоит расширить, включив аспекты взаимодействия участников коммуникативной ситуации и выражения точек зрения коммуникантов.

В целом в современной речи роль диалогизации возрастает, что приводит к более активному использованию диалогизирующих дискурсивных слов, а также к расширению их семантики.

Литература

Баранов, А. Н., Плунгян, В. А., & Рахилина, Е. В. (1993). *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. Москва: Помовский и партнеры.

Белов, В. А., & Белова, В. М. (2025). Функциональный подход к описанию дискурсивных слов русского языка. *Русистика*, 23(2), 206–224. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224>

Богданова-Бегларян, Н. В. (2019). Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи. *Социо- и психолингвистические исследования*, 7, 14–19.

Богданова-Бегларян, Н. В., Блинова, О. В., Шерстинова, Т. Ю., Зайдес К. Д., & Попова Т. И. (2019). Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 18, 72–85.

Гришина, Е. А. (2008). Частица *вот*: варианты, используемые в непринужденной речи. *Инструментарий русистики: корпусные подходы = Slavica Helsingiensia*. Вып. 34 (с. 63–91). Хельсинки: Хельсинский университет. URL: http://docs.google.com/View?id=df52fjjj_9fntn6kxq

Захаркив, Е. В. (2023). *Дискурсивные слова в новейшей русско- и англоязычной поэзии*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: ФГБУН Институт языкознания Российской академии наук.

Кабахидзе, Е. Л. (2022). Дискурсивный маркер *you know* в политической коммуникации (на материале интервью Д. Трампа 2017–2020 гг.): функции, приемы перевода. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 4, 89–99. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-89-99>

Кибрик, А. А., & Подлеская, В. И. (2009). Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Бекасово, 27–31 мая 2009 г. Вып. 8(15) (с. 390–395)*. Бекасово, Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Кобозева, И. М. (2007). Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2007», Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г. (с. 250–256)*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Манаенко, Г. Н., & Манаенко, С. А. (2009). Дискурсивные слова в текстах СМИ: функционирование и статус. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 11, 135–140.

Матанцева, М. Б., & Зырянова, Е. В. (2026). Дискурсивные слова в фокусе региональной лингвистики (на материале русской разговорной речи Бурятии). *Литера*, 2, 128–144. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2026.2.78224>

References

Alami, M. (2015). Pragmatic functions of discourse markers: a review of related literature. *International Journal on Studies in English Language and Literature*, 3(3), 1–10. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.3034.3121>

Andersen, G., & Fretheim, T. (Eds.) (2000). *Pragmatic markers and propositional attitude*. John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.79>

Baranov, A. N., Plungyan, V. A., & Rakhina, E. V. (1993). *A guide to the discursive words of the Russian language*. Moscow: Pomovsky and Partners Publ. (In Russian).

Belov, V. A., & Belova, V. M. (2025). Functional approach to Russian discourse markers description. *Russian Language Studies*, 23(2), 206–224. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224> (In Russian).

Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2019). Alone in the field is not a warrior: about the “magnetism” of pragmatic markers in Russian oral speech. *Socio- and Psycholinguistic Studies*, 7, 14–19. (In Russian).

Bogdanova-Beglaryan, N. V., Blinova, O. V., Sherstinova, T. Yu., Zaides, K. D., & Popova, T. I. (2019). Annotation of pragmatic markers in the Russian speech corpus: problems, searches, solutions, results. *Computational Linguistics and Intelligent Technologies*, 18, 72–85. (In Russian).

Brinton, L. (2008). *The comment clause in English syntactic origins and pragmatic developments*. Cambridge: CUP. (Studies in English Language).

Fraser, B. (1996) Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6(2), 167–190. <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>

Grishina, E. (2011). Да ‘yes’ in dialogue in spoken Russian. *Russ Linguist*, 35, 169–207. <https://doi.org/10.1007/s11185-011-9073-z>

Grishina, E. A. (2008). The particle *is*: the variants used in casual speech. *The toolkit of Russian studies: corpus approaches = Slavica Helsingiensia*. Is. 34 (pp. 63–91). Helsinki: University of Helsinki. URL: http://docs.google.com/View?id=df52fjjj_9fntn6kxq (In Russian).

Hansen, M., & Rossari, C. (2005). The evolution of pragmatic markers: Introduction. *Journal of historical pragmatics*, 6(2), 177–187. <https://doi.org/10.1075/jhp.6.2.02mos>

Jorgensen, J. (1996). The Functions of sarcastic irony in speech. *Journal of Pragmatics*, 26(5), 613–634. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(95\)00067-4](https://doi.org/10.1016/0378-2166(95)00067-4)

Kabakhidze, E. L. (2022) Discourse marker *you know* in political communication (on the basis of interviews with D. Trump from 2017 to 2020): functions, translation strategies. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 89–99. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-89-99> (In Russian).

Kibrik, A. A., & Podleskaya, V. I. (2009). Discursive markers in the structure of oral narrative: the experience of corpus research. *Computational Linguistics and Intelligent Technologies: based on the materials of the Annual International Conference “Dialog”, Bekasovo, 2009, May 27–31, Is. 8(15) (pp. 390–395)*.

Мишиева, Е. М. (2015). *Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова.

Рачева, А. А. (2016). Употребление маркеров вот и вон как дискурсивный выбор говорящего. *Сибирский филологический журнал*, 2, 164–176. <https://doi.org/10.17223/18137083/55/18>

Шерстинова, Т. Ю. (2016). Наиболее употребительные слова повседневной русской речи (в гендерном аспекте и в зависимости от условий коммуникации). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2016», Москва, 1–4 июня 2016 (с. 616–631)*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Alami, M. (2015). Pragmatic functions of discourse markers: a review of related literature. *International Journal on Studies in English Language and Literature*, 3(3), 1–10. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.3034.3121>

Andersen, G., & Fretheim, T. (Eds.) (2000). *Pragmatic markers and propositional attitude*. John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.79>

Brinton, L. (2008). *The comment clause in English syntactic origins and pragmatic developments*. Cambridge: CUP. (Studies in English Language).

Fraser, B. (1996) Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6(2), 167–190. <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>

Grishina, E. (2011). Да в русском устном диалоге. *Russ Linguist*, 35, 169–207. <https://doi.org/10.1007/s11185-011-9073-z>

Hansen, M., & Rossari, C. (2005). The evolution of pragmatic markers: Introduction. *Journal of Historical Pragmatics*, 6(2), 177–187. <https://doi.org/10.1075/jhp.6.2.02mos>

Jorgensen, J. (1996). The functions of sarcastic irony in speech. *Journal of Pragmatics*, 26(5), 613–634. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(95\)00067-4](https://doi.org/10.1016/0378-2166(95)00067-4)

Levinson, S. (2000). *Presumptive meanings: the theory of generalized conversational implicature*. Cambridge: MIT Press.

Traugott, E. C. (1982). *From propositional to textual and expressive meanings: some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization*. *Perspectives on historical linguistics* (pp. 245–271). Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.

Bekasovo, Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian).

Kobozeva, I. M. (2007). Polysemy of discursive words and the possibilities of its resolution in the context of a sentence (using the example of the word here). *Computational Linguistics and intelligent technologies: proceedings of the international conference “Dialog 2007”, Bekasovo, 2007, May 30 – June 3* (pp. 250–256). Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian).

Levinson S. (2000). *Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature*. Cambridge: MIT Press.

Manaenko, G. N., & Manaenko, S. A. (2009). Discursive words in media texts: functioning and status. *Aktualnye problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 11, 135–140. (In Russian).

Matantseva, M. B., & Zyryanova, E. V. (2026). Discursive words in the focus of regional linguistics (based on the material of the Russian colloquial speech of Buryatia). *Litera*, 2, 128–144. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2026.2.78224> (In Russian).

Mishieva, E. M. (2015). *Discursive markers in online youth communication (based on the English language): abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russian).

Racheva, A. A. (2016). The use of markers here and there as a discursive choice of the speaker. *Siberian Journal of Philology*, 2, 164–176. <https://doi.org/10.17223/18137083/55/18> (In Russian).

Sherstinova, T. Y. (2016). The most commonly used words in everyday Russian (in the gender aspect and depending on the conditions of communication). *Computational Linguistics and Intelligent technologies: based on the materials of the annual international conference “Dialog 2016”, Moscow, June 1–4, 2016* (pp. 616–631). Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian).

Traugott, E. C. (1982). From propositional to textual and expressive meanings: some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization. *Perspectives on Historical Linguistics* (pp. 245–271). Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.

Zakharkiv, E. V. (2023). *Discursive words in the latest Russian- and English-language poetry: dissertation for the degree of Candidate of Philology*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Белова, В. А., Белова, В. М., & Крупнова, Е. С. (2026). Диалогизирующие дискурсивные слова в зеркале корпусных данных. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(19), 19–31. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-19-31](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-19-31)

For citation:

Belov, V. A., Belova, V. M., & Krupnova, E. S. (2026). Dialogizing discourse words: corpus data evidence. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(19), 19–31. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-19-31](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-19-31) (In Russian).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Вклад авторов

Белов В. А. – концептуализация, проведение исследования, создание черновика рукописи, руководство исследованием, администрирование данных, администрирование проекта, получение финансирования.

Белова В. М. – методология, проведение исследования, администрирование данных, верификация.

Крупнова Е. С. – проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи.

Authors' contributions

Belov V. A. – conceptualization, investigation, writing – original draft, supervision, project administration, funding acquisition.

Belova V. M. – methodology, investigation, project administration, validation.

Krupnova E. S. – investigation, project administration, writing – original draft.

Ресемантизация как инструмент осмысления лексем с модальностью необходимости

Л. Н. Калининкова, М. Н. Зыкова

Resemantizing necessity modality lexemes: comprehension strategy

L. N. Kalinnikova, M. N. Zyкова

Лариса Николаевна Калининкова – кандидат филологических наук, доцент; Калининградский государственный технический университет, Калининград, Российская Федерация

E-mail: kln@klgtu.ru

Маргарита Николаевна Зыкова – кандидат психологических наук; Институт развития образования, Калининград, Российская Федерация

E-mail: casuel@mail.ru

Статья поступила: 20.12.2025. Принята к печати: 05.02.2026.

Larisa N. Kalinnikova – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation

ORCID: 0009-0002-0093-1633

Margarita N. Zyкова – Cand. Sci. in Psychology; Kaliningrad Regional Institute of Education Development, Kaliningrad, Russian Federation

ORCID: 0009-0008-5194-0840

Received: 20.12.2025. Accepted for publication: 05.02.2026.

В статье рассматривается один из аспектов проблемы, порожденной изменением значения слова в процессе развития языка; одним из следствий выступает нерелефлексированное субъектом восприятие слова. Одновременно слово остается главным психологическим инструментом познания и самопознания. В связи с этим актуальным представляется поиск способов, с помощью которых субъект получит возможность восстановить исходное значение, отрелексировать восприятие слова как части языковой картины мира. Авторы рассматривают данный аспект на материале анализа доминирующих в современной узуальной практике негативных ассоциаций и коннотаций к словам «долг»/«должен», «обязанность»/«обязан» в сопоставлении с анализом роли данных лексем в развитии языковой личности, обретении психологической зрелости, становлении языковой картины мира, выступающей регулятором деятельности человека. Принимая стремление к осмысленности как одну из сущностных черт человека, авторы конкретизируют проблему исследования, как противоречие между стремлением к осмысленности, в том числе осмысленности собственной лексики, и невладением способами ее осмысления. В качестве одного из способов рассматривается разработанная авторами на основе сочетания различных приемов осмысления слова лингвopsихологическая ресемантизация – восстановление исходного значения слова, не тождественного его определению и выступающего предметом мышления как обладающее самоценностью. В статье представлен и обоснован порядок осуществления лингвopsихологической ресемантизации на примере определяющих модальную картину мира лексем «долг»/«должен», «обязанность»/«обязан», которые рассмотрены в аспекте соответствия/противоречия бытующей (узуальной) семантики данных слов их возможной исходной семантике. Представлены результаты лингвopsихологической ресемантизации лексем, демонстрирующие продуктивность способа и возможность его применения субъектами

This article examines a problem aspect generated by word meaning changes during language development; one consequence is unreflected word perception by the subject. Simultaneously, the word remains the primary psychological cognition and self-cognition tool. Consequently, searching for methods enabling the subject to restore original meaning and reflect on word perception as a linguistic picture of the world component becomes relevant. The authors examine this aspect using material analyzing dominant negative associations and connotations in modern usage practice for the lexemes *dolg* / *dolzhen* ("duty" / "must") and *obyazannost'* / *obyazan* ("obligation" / "obliged"), compared with analyzing these lexemes' role in linguistic personality development, psychological maturity acquisition, and linguistic picture of the world formation acting as a human activity regulator. Accepting the striving for meaningfulness as an essential human trait, the authors specify the research problem as a contradiction between the striving for meaningfulness, including personal vocabulary meaningfulness, and the lack of methods for its comprehension. One considered method is linguopsychological resemanitization, developed by the authors based on combining various word comprehension techniques—restoring original word meaning, which is non-identical to its definition and acts as a thinking object possessing intrinsic value. The article presents and justifies the linguopsychological resemanitization implementation procedure using the modal picture of the world defining lexemes *dolg* / *dolzhen* ("duty" / "must") and *obyazannost'* / *obyazan* ("obligation" / "obliged"), examined regarding the correspondence or contradiction between their existing usage semantics and possible original semantics. The presented linguopsychological resemanitization results demonstrate the method's productivity and its application possibility for subjects with diverse cultural backgrounds and linguistic personality development levels. Original word meanings revealed during the linguopsychological resemanitization

с различным культурным багажом и уровнем развития языковой личности. Выявленные в процессе лингвopsихологической ресемантизации исходные значения слов позволяют субъекту осмыслить и присвоить их, преодолев противоречие узальной и исходной семантики, что противодействует вытеснению данных лексем за пределы узуса, позволяет сохранить их в качестве важнейших единиц языковой картины мира человека.

Ключевые слова: лингвopsихологическая ресемантизация, языковая личность, лексемы с модальностью необходимости, осмысление лексем, языковая картина мира

УДК 811.161.1: 81`37

process allow the subject to comprehend and appropriate them, overcoming the usance and original semantics contradiction, which counteracts displacing these lexemes beyond usance limits and preserves them as crucial human linguistic picture of the world units.

Keywords: linguopsychological resemantization, linguistic personality, necessity modality lexemes, lexeme comprehension, linguistic picture of the world

OECD: 6.04OY

Постановка проблемы. Противоречие между определением слова и его самостоятельным значением образует проблему, различные аспекты которой обсуждаются в лингвистике, психологии, других гуманитарных науках. Так, например, освоение содержания понятий, маркированных словами «наука», «учение», «навык» через их определения, без обращения к самим словам, не позволяет субъекту

обнаружить их лексико-семантическую связь; несформированность в психике субъекта таких связей выступает препятствием для построения им целостной языковой картины мира. Проблема осознанного восприятия («присвоения») субъектом используемой им лексики предстает как противоречие между присущей человеку потребностью в осмысленности жизни и невладением способами осмысления.

В филологическом (лингвистическом, прагматическом) и психологическом планах проблема проявляется как отчужденность современного человека от смыслов и значений слов родного языка, что влечет обесценивание слова как главного психологического инструмента познания и взаимодействия, порождает риски разрушения языковой личности человека и картины мира, утраты национальной идентичности.

Актуальным представляется поиск и операционализация инструментов, позволяющих субъекту относительно самостоятельно «открыть» и «присвоить» значения слов родного языка, построить лексико-семантические связи и парадигмы, выйдя в развитии собственной языковой личности (ЯЛ) с уровня пользователя языка на уровень носителя [Караулов, 1987]. В статье представлены возможности одного из таких инструментов – лингвopsихологической ресемантизации, в процессе которой само слово становится предметом мышления, что позволяет субъекту извлечь и присвоить его смысл.

История вопроса. Вопрос о поисках способа/инструмента осмысления собственной лексики и восстановления значений слов выходит за пределы собственно лингвистики и наиболее тесно сопрягается с проблемой национальной идентичности. Системно проблема разрабатывается с XIX века, когда Вильгельм фон Гумбольдт вводит понятие *innere Sprachform* (внутренняя форма языка), вкладывая в него идею «духа народа», заключенного в строе национального языка. Национальная «культурная» информация, заложенная в языке, часто «закодирована» в семантической структуре слова, его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе. Интерес к этим скрытым национально и культурно обусловленным смыслам возрос настолько, что в лингвистике появляется понятие

культурного кода (КК) [Гудков, 2005, с. 25], раскрыв который можно выявить имплицитные культурные компоненты языковой семантики. В поисках объяснительных моделей лингвисты обращаются к истокам языка, к этимологическому анализу языковых явлений, к анализу внутренней формы слова (термин, введенный в середине XIX в. А. А. Потебней). Внутренняя форма – это «след» процесса, при помощи которого было создано данное слово; по выражению Ю. С. Маслова – это «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [Маслов, 1997, с. 113]. Функционирование слова в речи неизбежно и естественно ведет к тому, что со временем внутренняя форма носителями языка уже не осознается, а это значит, что не осознается буквальный смысл, который был положен в основу формирования значения слова. В структуре его значения актуализируются другие семантические признаки, слово приобретает дефиницию, достаточно далекую от первоначального значения. Естественный процесс деэтимологизации превращает первоначально «прозрачные» по смыслу, мотивированные «культурным» действием значения слов в код, малодоступный пониманию современного носителя языка.

Непонимание субъектом собственного языка, отчуждение от него затрудняет построение им собственной языковой личности. В конце XX и начале XXI века проблема отчуждения человека от родного языка и культуры обретает статус глобального вызова. Одним из специфических «ответов» на вызов становится бурное развитие так называемой «народной этимологии», редко бывающей продуктивной, а чаще приводящей к еще более глубокому отчуждению. Вместе с тем феномен «народной этимологии» имплицитно свидетельствует о потребности человека в осмысленности собственной речи, о признании самооценности слова.

Попытка решения проблемы отчуждения возможна с использованием такого способа восстановления (ресемантизации) лексики, который необходимо включает собственную деятельность субъекта и при этом опирается на научные источники; таким образом, в процессе восстановления лексики отчетливо выделяются собственно лингвистический и психологический аспекты. Принципиально важной авторам представляется предложенная Ю. Н. Карауловым в 1987 году теоретико-онтологическая модель языковой личности с выделением в ней вербально-семантического уровня, или уровня нереклексивного пользователя, выступающего, по мнению автора, лишь предпосылкой к языковой личности, когнитивного, который начинается «по ту сторону обыденного языка, когда на первый план выдвигаются ее интеллектуальные характеристики», и мотивационно-прагматического, включающего «иерархию смыслов и ценностей в языковой модели мира» [Караулов, 1987, с. 36].

Лингвистические и психологические аспекты ресемантизации рассматривались соавторами в статьях и монографиях в период с 2005 года.

В 2023 году авторские позиции обобщены в материалах монографии «Лингвопсихологическая ресемантизация как способ освоения кода национальной культуры развивающейся языковой личностью» [Калинникова, Зыкова, 2023], научных статьях, учебном пособии «Становление национальной (русской) идентичности педагога посредством развития его языковой личности: лингвопсихологическая ресемантизация как способ освоения кода национальной культуры» [Калинникова,

Зыкова, 2025]. Лингвопсихологическая ресемантизация (ЛПР) представлена в формате пошаговой модели с обоснованием каждого шага, описанием его содержания и предполагаемого результата.

Методология и методика исследования. Рефлексия проблемы опирается на теоретические позиции, представленные в трудах филологов и психологов: принцип единства психики и деятельности [Леонтьев, 1975, 1979, 1999], концепцию языковой личности [Караулов, 1987], теорию присвоения как механизма развития [Выготский, 1960, 1996, 2004], идею нетождественности актуальной языковой картины мира и объема узуса субъекта объективно существующей языковой картины [Леонтьев, 1969], концепцию структуры самосознания [Мухина, 2004] и др. Это позволяют сформулировать принципы настоящего исследования.

Его объектом выступают лексемы «долг»/«должен» и «обязанность»/«обязан»; предмет исследования – аспекты соответствия/противоречия бытующей (узальной) семантики данных слов их возможной исходной семантике, восстановленной с использованием лингвопсихологической ресемантизации (далее – ЛПР).

Цель исследования – выявить грани указанного соответствия/противоречия с помощью лингвопсихологической ресемантизации.

Предлагаемый авторами способ ЛПР выступает действенным инструментом относительно самостоятельного «открытия» и «присвоения» субъектом смысла и значений лексем родного языка, создания/обновления лексико-семантических связей и парадигм.

В процессуальном аспекте ЛПР – это намеренное обращение субъекта к исходным значениям лексических единиц, словосочетаний, грамматических феноменов, образующих языковую картину мира личности. Обращение осуществляется через «...побуждаемый потребностью человека в осмыслении себя и мира этимологический и словообразовательный анализ, восстановление внутренней формы слова, переосмысление корневых значений и связей слов <...>, обновление лексико-семантических парадигм, которые, в свою очередь <...> “задают” преобразованную языковую картину мира, качественно преобразуют языковую личность» [Калинникова, Зыкова, 2023, с. 16]. Таким образом, результатом ЛПР может стать преобразование языковой личности и картины мира.

ЛПР осуществляется в соответствии с предлагаемым авторами алгоритмом/порядком:

- Поиск и сбор однокоренных и родственных слов. Действие позволяет создать первичное «поле» как ориентировочную основу последующего восстановления слова; выполняется самостоятельно, с опорой на культурный опыт субъекта. Возможные ошибки могут быть продуктивными, побуждать обратиться к словарям для проверки предположения о родстве слов; в свою очередь, обнаруженные в словарях однокоренные и родственные слова, которые субъект изначально не считал таковыми, могут побудить к рефлексии созданного «поля» и изменению его границ.

- Выяснение происхождения (этимологии) слова и его значения (со словарями). Поскольку этимология многих слов русского языка представлена в словарях вариативно,

обнаружение противоречий побуждает субъекта либо к выбору, либо к попытке выявления некоторого общего исходного значения.

- Уточнение границ «поля» (самостоятельно и со словарями).
- Обращение к форме слова (самостоятельно с последующим уточнением в словарях). Действие позволяет субъекту «открыть» семантику морфем, уточнить оттенки значения восстанавливаемого слова.
- Анализ контекстов употребления слова в образцах кода национальной культуры (КНК) (самостоятельно, с источниками). Образцы КНК, в которых представлено восстанавливаемое слово, выступают как модели-доказательства корректности или некорректности изначального предположения субъекта о смысле и значении слова.
- Рефлексия результата, обновленных лексико-семантических связей (самостоятельно). Действие позволяет оценить разницу между исходным пониманием того или иного слова и его обновленным, «присвоенным» пониманием, построить/обновить лексико-семантические связи как оси языковой картины мира.

Примечание: последовательность шагов вариативна, определяется культурным багажом и уровнем развития ЯЛ субъекта.

Анализ материала. Сердцевина языковой картины мира человека – ценностные основания, которые маркируются модальными словами и определяют систему отношений и личностных смыслов субъекта. Важнейшими элементами языковой, в данном случае модальной (термин предложен А. А. Медовой [Медова, 2016]) картины мира выступают слова, выражающие модальность долженствования и необходимости: «должен» и «обязан». Выявление/восстановление смысла и значения данных лексем представляется актуальным, поскольку в настоящее время сложился стереотип негативного отношения к ним, обозначилась тенденция вытеснения их на периферию узуса или за его пределы. Это влечет за собой опасность потери важнейших регуляторов деятельности личности: «некоторые его (языка) элементы не усваиваются последующими поколениями людей и омертвывают, перестают быть явлениями действительного языка...» [Леонтьев, 1969, с. 52].

Нерефлексивное усвоение из узуса и нерефлексивное же воспроизведение субъектом лексем «должен» и «обязан» закрывает ему (субъекту) возможность понимания «объективного» пропозиционального компонента модальности долженствования. Это, в свою очередь, определяет специфику прагматического (субъективного) компонента, который сегодня характеризуется доминированием негативных ассоциаций и коннотаций слов «должен» и «обязан».

Косвенным свидетельством выступают данные краткого обзора заголовков публикаций психологов. Приведем лишь два образца из множества:

*Как слово **должен разрушает Вашу жизнь*** [Макеева, 2025];

*Должен, обязан и нужно: как **чувство долга уничтожает психику человека*** [Должен, обязан и нужно, 2020].

Тенденция проявляется и в результатах эмпирических исследований. Так, в ассоциативном эксперименте 2024 года, проведенном Г. И. Атамановой (к слову «должен») [Атаманова, 2024], с выборкой объемом 208 респондентов-студентов получен следующий результат: **«ассоциации с отрицательным воздействием:**

давление, контроль, насилие и др.» дали **204 респондента (98%)**. По результатам эксперимента исследователь делает вывод о том, что «уместно рассмотреть более глубокие вопросы, связанные со словом “**должен**”, чтобы уменьшить его **отрицательное воздействие** на психику человека». В выводе имплицитно представлена **убежденность** автора в наличии такого «отрицательного» воздействия.

Анализ контекстов употребления слов «должен» и «обязан» в массовой культуре позволил зафиксировать: до середины 80-х гг. XX века слова «должен», «долг» употребляются в позитивно окрашенных контекстах, напр.:

Я это сделать должен,

В этом судьба моя.

(Рождественский Р. И. Я это сделать должен. Рождественский Р. И. Судьба барабанщика: фильм, 1976)¹

Люди-человеки, страны и народы,

Мы теперь навечно должники природы.

(Рождественский Р. И. Просьба: стихи, 1974)²

В таких же контекстах «должен» и «долг» есть в стихах В. Берестова, Ю. Друниной, Е. Евтушенко и многих других, в популярных песнях.

В первом и особенно втором десятилетии XXI века слово «должен» уходит из массовой песенной/поэтической культуры либо (в единичных случаях) употребляется в ироническом/саркастическом контексте.

Вместе с тем эти слова продолжают занимать **доминирующее место в регуляции взаимодействий субъектов** (учебная, трудовая деятельность, язык нормативных документов и т. д.).

В соответствии с идеями о структуре самосознания [Мухина, 2004], ее формирование завершается осмыслением субъектом собственных обязанностей, системы долженствований, появлением в речевой деятельности соответствующих слов-регуляторов и знаменует переход от детства к взрослости. Отторжение и вытеснение субъектом данных слов из собственной речевой деятельности порождает угрозу распада модальной картины мира, отчуждения от языковой картины мира в целом, выступает препятствием к обретению психологической взрослости.

Таким образом, противоречие, образованное, с одной стороны, особой значимостью осмысленного владения рассматриваемыми лексемами, а с другой – отчетливой тенденцией вытеснения их из узуса, побуждает к поиску способов/инструментов восстановления исходной, заложенной в самих лексемах, полноты смысла и оттенков значений. Признание доминирующей роли собственной активности субъекта речи в данном процессе предполагает, что восстановление может быть выполнено им относительно самостоятельно. В психологическом смысле относительно самостоятельное «открытие» слова создает лучшие предпосылки для его освоения и присвоения субъектом, нежели предложенное готовое решение. Снимается противоречие с помощью ЛПР.

¹ Я это сделать должен (из к\ф Судьба барабанщика) // Livejournal. Киномеждустрок: сайт. URL: <https://begunok74.livejournal.com/216779.html?ysclid=munpywlch6595704653>

² Рождественский Р. И. Просьба: стихи // Вся поэзия.py: сайт. URL: <https://allpoetry.ru/?s=57280>

Приведем ЛПР лексем «должен»/«долг» в соответствии с обозначенным выше порядком действий (Табл. 1–3).

Таблица 1. ЛПР, шаг 1.

Однокоренные и родственные слова:	
долг, одолжить, задолженность, задолжать кому-что, одолжаться (устар.), должник, должный, долженствовать, долженствование, должность, должок	

Обратим внимание на малый объем поля, а также на то, что совокупность обнаруженных слов пока не открывает полноты значения, но открывает его оттенки, напр., в указании на статус субъекта («должник»), на состояние («долженствование»), позицию («должность»)

Таблица 2. ЛПР, шаг 2.

Значение слова по словарям [Кузнецов, 2000], [Абрамов, 1994]	1. «должен», «обязан», «вынужден, принужден» (делать-сделать что-либо); 2. «обязан уплатить, вернуть долг» (кому) <i>Синонимы:</i> вынужден, обязан, принужден, повинен (что сделать) и «ему должно, надо, приходится, полагается, потребно, необходимо, следует» (что сделать).
Варианты этимологии слова «долг» [Фасмер, 1996а]; [Крылов, 2005]; [Срезневский, 1890–1912]; [Виноградов, 1999] и др.	1. восходит к тому же общеевропейскому корню, что и готское <i>dulgs</i> – «долг»; 2. одного корня с долгий, первоначальное его значение – «то, чего долго ждут»; 3. древнерусское – дългъ, общеславянское – дългъ, «взятые займы и подлежащие возвращению деньги»; 4. калька с греч. οφείλεμα. («должное», «то, что полагается к.-л.», или «обязанность»), либо χρέος («грех», «вина») и лат. <i>debitum</i> («долг», «задолженность»).

Прим. 1 к позиции «Синонимы». Поскольку синонимы – достаточно условное явление в языке, толкование слова через его предполагаемые синонимы не дает возможности установить исходное значение. Слово «должен» определяется через «обязан»/«принужден». Но как будет показано далее, у этих слов разная сочетаемость, разное значение, разные морфологические характеристики.

Прим. 2 к позиции «Варианты этимологии». Приведенные в словаре Срезневского [Срезневский, 1890–1912] два значения «долг» (финансовый долг и обязательства перед кем-л.) дают возможность рассматривать перенос значения с долга как финансового обязательства на долг как морально-этическую категорию.

Таблица 3. ЛПР, шаг 3.

Уточнение границ поля [Срезневский, 1890–1912]:
долг, одолжить, задолженность, задолжать кому-что, одолжаться (устар.), должник, должный, долженствовать, долженствование, должность, должок + глагол «должновать» («быть должным»), с «дóлжно» («следует (что делать)»), «должный» в значениях «платящий подать» (от слова «долг» в значении «дань»), «обязанный», «должный, следуемый», а также «грешный», глаголы «долженствovati», «долженствую»

Прим. к таблице 3. Расширение границ исходного поля позволило обнаружить еще один оттенок значения в варианте трактовки долга как греха/вины (калька с χρέος). В Старославянском словаре приведена краткая форма прилагательного «должный»: «должен» в значении «надлежащий», «должный». Эта словарная статья отсылает к слову «повинный», одним из значений которого (в его морфологической ипостаси субстантивированного прилагательного) является «должник». Отсюда и значение слова «повинность» как «обязанность» [Благова и др., 1994, с. 189].

Наименование одним и тем же словом («долг») не вполне тождественных понятий, хотя и имеющих общее в смысловом ядре, мотивирует на поиск того общего, что обусловило полисемию слова «долг».

Шаг 4. Обращение к форме слова и его морфологическим характеристикам. Слово «должен» изначально является кратким прилагательным и выступает в составе составного глагольного сказуемого (должен что-либо сделать) или составного именного сказуемого (должен денег соседу). В этом значении оно согласуется с существительными и местоимениями в роде и числе. Со временем слово «должен» в русском языке приобрело **модальное значение** в результате трансформации из краткого прилагательного в самостоятельную категорию, выражающую отношение говорящего к действию. Модальность слова «должен» подчеркивается его функцией сказуемого, именующего некое состояние, в котором пребывает субъект, причем состояние, именуемое словом «должен», качественно отличается от состояния, называемого словом «принужден», поскольку в «должен» нет и по структуре не может быть приставки, сообщающей слову «принужден» оттенок семантики внешнего воздействия. Форма аналогичных по структуре бесприставочных слов, напр., «свободен», «властен» или «волен» (делать/не делать что-либо) указывает именно на состояние субъекта.

Корнем в слове «должен» («должный») является «долж» («долг»), смысловое «зерно» содержится именно в нем, что подтверждается наличием приведенных в словаре подобных слов в славянских языках: «...укр. довг, блр. доўг, ст.-слав. длъгъ... болг. дълг(ѣт), сербохорв. дѹг, словен. dōtǫ, чеш. dluh, слвц. dlh, польск. dług, в.-луж. dóth, н.-луж. dług. Праслав. *dylgь» [Фасмер, 1996а, с. 524].

Для выявления смыслового «зерна» используем в качестве доказательного и объяснительного материала образцы текстов КНК.

Шаг 5. Анализ контекстов употребления слова в образцах кода национальной культуры.

В словаре В. И. Даля находим: «ДОЛГ м. все должное, что должно исполнить, обязанность. Общий долг человека вмещает долг его к Богу, долг гражданина и долг семьянина; исполнением этих обязанностей он в долгу, они составляют долг его, как взятые у кого займы деньги или вещи...» [Даль, 1981, с. 461–462].

Таким образом, «долг» возникает у субъекта вследствие передачи ему и получения им материальных и нематериальных (деньги, жизнь, здоровье, любовь, забота, т. д.) благ. Получив блага из определенного источника (от человека, Родины, природы, Бога), став буквально благополучным, человек оказывается в состоянии неравновесности по отношению к этому источнику; существование в языке антонимичных пар глаголов («получить – отдать», «взять – отдать») выступает одновременно маркером идеи восполнения равновесия и требованием к субъекту. Примечательно, что в Старославянском словаре в качестве одного из толкований слова «долг» приводится «расчет vyrovnanі» [Благова и др., 1994, с. 189], то есть восстанавливающий равновесие. Следовательно, имплицитно слово «должен» содержит информацию о том, что субъект уже получил некоторое благо. Способом возвращения долга будет отдача, буквально благо-дарение, позволяющее восстановить ценностное равновесие жизни.

Такое понимание представлено, например, в пословицах и поговорках: *«Долг платежом красен»*, *«Умей взять, умей и отдать!»*, *«Не хитро взять, хитро отдать»*, *«Не думай, как бы взять, а думай, как бы отдать»*, *«Продай хоть ржи, а долгу не держи!»* и др. Долг здесь – важная часть морального кодекса, определяющего поведение человека и его отношения в мире.

В русской литературе слова «долг» и «должен» употребляются в обоих значениях, имеющих, как было показано, общую семантику. Приведем несколько примеров, отметив, что число их огромно.

Человек должен стремиться к высшей, блестящей цели, а семейная жизнь связала бы меня навеки. (Чехов А. П. Ионыч).

... знаю, что я в большом неоплатном долгу перед моей землей и моим многострадальным народом. (Быков В. Третья ракета).

Долг перед отечеством — святыня человека. (Сухомлинский В. А.)

У нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга. (Тургенев И. С.).

Благодарность не есть право того, кого благодарят, а есть долг того, кто благодарит... (Ключевский В. О.).

Анализ сочетаемости слова «долг» позволил выявить ценности-объекты и ценности-правила: человек/человечество/общество/семья, Бог, Родина/нация, а также указание на наличие терминальных (предельных) ценностей (см. «высший долг», «священный долг», «святой долг»). Лексемы «долг» и «должен» задают координаты бытия субъекта, в частности определяя планку (высоту) бытия, и ложатся в основу модальной картины мира. Обнаружение/экспликация ценности-блага требует специальных усилий по восстановлению ценностного ядра картины мира субъекта (понимание долга Родине/перед Родиной требует восстановления в психике субъекта связи между фактом возникновения его жизни и ее источником).

Таким образом, ЛПР лексем «долг»/«должен» позволяет сместить ракурс восприятия их семантики с «вынужденности» или «принужденности» на осознание субъектом полученных им ценностей/благ и их источников, принятие идеи восстановления равновесия в обмене благами как основы жизни.

В эмпирической части исследования, проведенной по алгоритму/порядку, описанному выше, приняла участие группа школьников 12–15 лет в количестве 11 человек (7 девочек, 4 мальчика). На первом этапе, ориентируясь на результаты ассоциативного эксперимента Г. И. Атамановой [Атаманова, 2024], участникам было предложено оценить слово «обязан» как имеющее скорее положительный, нейтральный или скорее негативный оттенок значения. После получения первичных данных (10 выборов позиции «негативный оттенок», 1 выбор позиции «нейтральный») респондентам было предложено ответить на вопрос о значении самих слов «обязан» и «обязанность» с использованием пошаговой ЛПР. В этой и аналогичных экспериментальных пробах у респондентов возникает характерное затруднение при попытке смещения ракурса восприятия с определения слова на его собственное значение. В качестве подсказки нами использован пример, иллюстрирующий противоречие определения и собственного значения слова с лексемой «сентябрь», означающей девятый месяц года и одновременно значащий «седьмой». После

достижения понимания респондентами сути задания ЛПР осуществлялась поэтапно под руководством соавторов в течение одного учебного занятия (Табл. 4–5).

Таблица 4. ЛПР, шаг 1.

Однокоренные и родственные слова:	
Обязательно, необязательно, обязательство, обязать, обязанный, военнообязанный, связанный, связь, привязаться, привязанность, навязанный и др.	

Прим. Обратим внимание на то, что респонденты включили в первичное поле слова, **не** являющиеся в современном языке однокоренными и родственными, а определяющиеся как омонимы (военнообязанный, необязательно), и слова, родство которых с «обязан» (связанный, связь и др.) в современных словарях не подтверждается. Эта условная «ошибка» побудила респондентов к поиску этимологии слова.

Таблица 5. ЛПР, шаг 2.

Значение слова по словарям [Даль, 1982, с. 640]	ОБЯЗЫВАТЬ, обязать кого, к чему, (об-вязать: обяжу язву твою, <i>церк.</i> обяжу (перевяжу)). заставлять или нудить, принуждать, приневоливать, налагать долг, бремя, службу, работу, образ действий. Служба обязывает... Одолжения обязывают, велят быть признательным, и стараться отплатить тем же
Варианты этимологии слова «обязан» [Фасмер, 1996b]; [Крылов, 2005]; [Срезневский, 1890–1912]; [Семенов, 2003]; [Виноградов, 1999] и др.	обязать обяжу́, <i>ст.-слав.</i> обѣзати ꙗзвѣи (Супр.). Из *обвазати от вязать. Глагол обязать в языке древнерусской письменности XI–XV вв. сохранял свои конкретные значения – «обвязать, перевязать, сделать перевязку» (ср. обязательство – «обвязка, перевязка»), обвязаться – «быть обязанным, спутаться». Но, наряду с прямыми конкретными значениями, в этом гнезде слов еще в старославянском языке обозначались и переносные оттенки внутренней, моральной, духовной связанности.

Прим. Обращение к словарю Виноградова [Виноградов, 1999] позволило разрешить противоречие, возникшее при выполнении первого шага. Респонденты сделали вполне корректный вывод об утраченном родстве «связи» и «обязанности» и одновременно о наличии исходного общего «зерна» в этих словах. Вывод позволил расширить границы первоначального поля (шаг 3), ввести в него множество лексем, ныне определяющихся как не имеющие родства: «завязь», «навязываться», «связаться», «в связи с...» и мн. др.

Шаг 4. Для уточнения значения слова «обязан» осуществлен анализ формы слова. Респонденты предположили, а затем уточнили в словарях, что разбор слова в соответствии с его происхождением дает более глубокое понимание значения, чем варианты современного разбора, где в кратком прилагательном или причастии «обязан» выделяется корень обяз, суффиксы а и н, основа обязан. Если учитывать происхождение слова от «обвязан», то можно увидеть приставку «об», семантику которой респонденты, сверяясь со словарями, определили как «охват человека какими-то требованиями». На этом этапе у респондентов возникли вопросы об источнике, субъекте требований и их содержании: «Кто обязал? Что обязало?», «Чем обязал (обвязал)?». В психологическом плане такого рода вопросы свидетельствуют об «открытии» респондентами семантики коммуникативности, взаимодейственности в лексемах.

Шаг 5. Вначале респонденты вспомнили единственный пример «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь...» («Не позволяй душе лениться», Н. Заболоцкий); в соответствии с возникшим на предыдущем этапе вопросом об

источнике «Кто обязал» дали ответ «Сам человек»; отметим, что и постановка вопроса, и поиск ответа на него запускают не только интеллектуальный, но и нравственный поиск, побуждаемый собственно словом. Далее респонденты привели достаточное число устойчивых словосочетаний типа «ученик обязан...», «каждый человек обязан», «ежедневные обязанности», «трудовые обязанности» и др., причем в каждом случае осуществлялся поиск ответа на вопросы об источнике «обязывания», содержании обязательств и предназначении обязанностей.

Предметом анализа стала предложенная авторами цитата из «Недоросля»:

«Софья. Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне это непонятно, дядюшка, как можно человеку все помнить одного себя? Неужели не рассуждают, чем один обязан другому?» (Фонвизин Д. И. Недоросль).

По результатам ЛПР респонденты сделали вывод о всеобщей связи объектов и субъектов как условия жизни (ср. «распределение обязанностей»).

Таким образом, в результате ЛПР респондентам, в соответствии с их актуальным культурным уровнем и опытом, удалось «открыть» значимую часть языковой картины мира, изменить ракурс восприятия слова, прежде воспринимаемого преимущественно в негативном ассоциативном ключе. Одновременно респондентам удалось выйти на одну из базовых ценностей жизни и один из ее главных законов – взаимодействие, согласованность.

Результаты исследования. Анализируя полученные результаты, отметим:

ЛПР данных лексем позволила выявить следующие соответствия/противоречия современной узуальной семантики и возможной исходной:

- в обоих случаях (и «должен»/«долг», и «обязан»/«обязанность») сохранной осталась модальность долженствования и необходимости;

- в лексемах «обязан»/«обязанность» выявлено семантическое «зерно», указывающее на необходимое взаимодействие с субъектом или объектом, то есть определяющее объекты/субъекты отношений, или, иными словами, отчетливый коммуникативный компонент, выступающий в качестве системообразующего. На уровне языковой картины мира данный компонент/«зерно» фиксирует идею взаимодействия/взаимоотношения как основного способа осуществления жизни. В современной практике выявленное семантическое «зерно» утрачено; его обнаружение требует специальных усилий. Одновременно отметим: как было указано выше, тенденцией современной практики является преобладание негативных коннотаций к данной лексеме. ЛПР позволяет субъекту изменить ракурс/оптику восприятия лексем, принять и освоить заложенную в них идею всеобщей связи, взаимообусловленности и взаимодействия как способа осуществления жизни.

- в лексемах «должен»/«долг» выявлен имплицитно представленный ценностный компонент; несмотря на противоречия версий о возможной этимологии данных слов, «долг» и «должен» фиксируют ситуацию взаимодействия, в которой субъекту передана и субъектом получена некая ценность, которую необходимо вернуть/отдать/передать. Ценностный компонент распознается субъектом в том случае, когда «должен»/«долг» фиксируют отношения, основанные на передаче/получении/отдаче материальной ценности (денег, имущества); в абстрактных конструкциях с лексемами «долг»/«должен» понимание ценностного компонента

утрачено, его восстановление требует специальных усилий. В лексемах «должен»/«долг» представлен и коммуникативный компонент, поскольку передача/получение/отдача ценности необходимо предполагает вступление субъектов в соответствующие отношения; однако доминирующий компонент – ценностный. ЛПР позволяет субъекту сместить ракурс восприятия данных лексем, принять и освоить идею получения/отдачи ценности/блага (идею «благополучия»/«благодарности») как основы жизни в физическом и метафизическом плане.

– в обоих случаях изменение семантики осуществилось через метафоризацию конструкций; с одной стороны, это расширило сферу употребления лексем, с другой – привело к утрате восприятия и понимания непосредственно-чувственной основы лексем. Следствием утраты выступает современное восприятие лексем как фиксирующих преимущественно внешнюю, исходящую не от самого субъекта «вынужденность», требование, что и порождает преимущественно негативные коннотации.

Выводы. ЛПР позволяет субъекту осмыслить противоречия дефиниции слова и его исходного значения; дает возможность относительно самостоятельно «открыть» и «присвоить» слово, качественно расширяя границы языковой личности за счет рефлексивного освоения образцов кода национальной культуры, рассмотрения и анализа внутренней формы слова; задает условия для принятия самооценности слова как главного психологического инструмента познания и взаимодействия; создает предпосылки для перехода языковой личности с уровня нерефлексивного пользователя на уровень носителя и творца.

В свою очередь, позиция носителя языка, предпосылки формирования которой задает ЛПР, выступает условием становления языковой картины мира субъекта в соответствии с национальной языковой картиной мира, противодействует вытеснению за пределы узуса важнейших модальных лексем, регулирующих деятельность человека и общества.

Лингвопсихологическая ресемантизация и подобные способы могут стать действенным инструментом образования и воспитания человека, принимающего родной язык как ценность, осмысленно и рефлексивно несущего ответственность за сохранение национальной языковой картины мира.

Литература

Абрамов, Н. (1994). Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 синонимических рядов; 20 000 синонимов. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Русские словари. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-sinonimov>

Атаманова, Г. И. (2024). Психолого-педагогический аспект применения слова «должен» в лексике преподавателя: от теории к практике. *Международный научно-исследовательский журнал*, 9(147), 1–8. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.47>

Благова, Э., Цейтлин, Р. М., Геродес, С., Пацнерова, Л., & Бауэрова, М. (1994). *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): около 10000 слов*. Москва: Рус. яз.

Виноградов, В. В. (1999). *История слов: около 1 500 слов и выражений и более 5 000 слов, с ними связанных*. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/>

Выготский, Л. С. (1960). Историческое развитие поведения человека. *Выготский Л. С. Развитие высших психических функций: из неопубликованных трудов* (с. 446–452). Москва: Изд-во Академии педагогических наук.

Выготский, Л. С. (1996). *Педагогическая психология*. Москва: Педагогика-пресс.

Выготский, Л. С. (2004). Проблема культурного развития ребенка. *Выготский Л. С. Психология развития человека* (с. 191–207). Москва: Смысл, Эксмо.

Гудков, Д. Б. (2005). Коды русской культуры: проблемы описания. *Мир русского слова*, 1-2, 25–31.

Даль, В. И. (1981). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З*. Москва: Русский язык.

Даль, В. И. (1982). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: И–О*. Москва: Русский язык.

Должен, обязан и нужно: как чувство долга уничтожает психику человека. *Royal Cheese: сайт*. 2020, 21 января. URL: <https://royalcheese.ru/columns/dolzen-obyazan-i-nuzhno-kak-chuvstvo-dolga-unichtozhaet-psihiku-cheloveka/>

Калинникова, Л. Н., & Зыкова, М. Н. (2023). *Лингвопсихологическая ресемантизация как способ освоения кода национальной культуры развивающейся языковой личностью*. Калининград: Изд-во ФГБОУ ВО «КГТУ».

Калинникова, Л. Н., & Зыкова, М. Н. (2025). *Становление национальной (российской) идентичности педагога посредством развития его языковой личности: лингвопсихологическая ресемантизация как способ освоения кода национальной культуры: учебное пособие*. Калининград: Калининградский государственный технический университет.

Караулов, Ю. Н. (1987). *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука.

Крылов, Г. А. (сост.) (2005). *Этимологический словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Полиграфуслуги.

References

Abramov, N. (1994). *Dictionary of Russian synonyms and similar expressions: about 5 000 synonymous series; 20 000 synonyms. 5th ed., rev. and add.* Moscow: Russian Dictionaries. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-sinonimov> (In Russian).

Atamanova, G. I. (2024). Psychological and pedagogical aspect of the use of the word “should” in the professor's lexis: from theory to practice. *International Research Journal*, 9(147), 1–8. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.47> (In Russian).

Blagova, E., Zeitlin, R. M., Gerodes, S., Patsnerova, L., & Bauerova M. (1994). *Old Slavonic dictionary (according to manuscripts of the X–XI centuries): about 10 000 words*. Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russian).

Dahl, V. I. (1981). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols. Vol. 1: A–Z*. Moscow: Russian language Publ. (In Russian).

Dahl, V. I. (1982). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols. Vol. 3: I–O*. Moscow: Russian language Publ. (In Russian).

Fasmer, M. (1996a). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols. Vol. 1 (A–D)*. St. Petersburg, Moscow: Terra, Azbuka Publ. (In Russian).

Fasmer, M. (1996b). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols. Vol. 3 (Muse – Syat)*. St. Petersburg, Moscow: Terra, Azbuka Publ. (In Russian).

Gudkov, D. B. (2005). Codes of Russian culture: problems of description. *The World of the Russian Word*, 1-2, 25–31. (In Russian).

Kalinnikova, L. N., & Zyкова, M. N. (2023). *Linguopsychological resemantization as a way of mastering the code of national culture by a developing linguistic personality: monograph*. Kaliningrad: Kaliningrad State Technical University Publ. (In Russian).

Kalinnikova, L. N., & Zyкова, M. N. (2025). *The formation of a teacher's national (Russian) identity through the development of his linguistic personality: linguistic and psychological resemantization as a way of mastering the code of national culture: a textbook*. Kaliningrad: Kaliningrad State Technical University Publ. (In Russian).

Karaulov, Yu. N. (1987). *The Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Krylov, G. A. (comp.) (2005). *Etymological Dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Polygraph Services Publ. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologiches-kij-slovar-russkogo-jazyka-krylov/> (In Russian).

Kuznetsov, S. A. (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (In Russian).

Leontiev, A. A. (1969). *Language, speech, and speech activity*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).

Leontiev, A. N. (1975). *Activity. Conscience. Personality*. Moscow: Political Literature Publ. (In Russian).

URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologicheskij-slovar-russkogo-jazyka-krylov/>

Кузнецов, С. А. (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar>

Леонтьев, А. Н. (1979). Психология образа. *Вестник Московского государственного университета. Серия 14: Психология*, 2, 3–13.

Леонтьев, А. Н. (1999). *Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности*. Москва: Смысл.

Леонтьев, А. А. (1969). *Язык, речь, речевая деятельность*. Москва: Просвещение.

Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва: Издательство политической литературы.

Макеева, О. Г. (2025). Как слово «должен» разрушает вашу жизнь: психологический яд, который мы не замечаем. *B17.ru: сайт*. URL: <https://www.b17.ru/article/689541/>

Маслов, Ю. С. (1997). *Введение в языкознание: учебник*. Москва: Высшая школа.

Медова, А. А. (2016). *Онтология модальности: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук*. Красноярск: Сибирский государственный технологический университет.

Мухина, В. С. (2004). *Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник*. Москва: Академия.

Семенов, А. В. (2003). *Этимологический словарь русского языка*. Москва: ЮНВЕСТ.

Срезневский, И. И. (1890–1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского: в 3 т. Санкт-Петербург: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук*. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html>

Фасмер, М. (1996а). *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 (А–Д)*. Санкт-Петербург, Москва: Терра, Азбука.

Фасмер, М. (1996б). *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 (Муза–Сят)*. Санкт-Петербург, Москва: Терра, Азбука.

Leontiev, A. N. (1979). Psychology of the image. *The Moscow University Herald. Series 14: Psychology*, 2, 3–13. (In Russian).

Leontiev, A. N. (1999). *Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality*. Moscow: Smysl Publ. (In Russian).

Makeeva, O. G. (2025). How the word “should” destroy your life: a psychological poison that we don’t notice. *B17.ru: website*. URL: <https://www.b17.ru/article/689541/> (In Russian).

Maslov, Yu. S. (1997). *Introduction to linguistics: textbook*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

Medova, A. A. (2016). *Ontology of modality: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy*. Krasnoyarsk: Siberian State Technological University Publ. (In Russian).

Mukhina, V. S. (2004). *Age psychology: phenomenology of development, childhood, adolescence: textbook*. Moscow: Akademiya Publ. (In Russian).

Must, must, and must: how a sense of duty destroys the human psyche. *Royal Cheese: website*. 2020, January 21. URL: <https://royalcheese.ru/columns/dolzhen-obyazan-i-nuzhno-kak-chuvstvo-dolga-unichtozhaet-psihiu-cheloveka/> (In Russian).

Semenov, A. V. (2003). *Etymological Dictionary of the Russian language*. Moscow: UNVEST Publ. (In Russian).

Sreznevsky, I. I. (1890–1912). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments: the work of I. I. Sreznevsky: in 3 vols*. St. Petersburg: Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences Publ. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html> (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1999). *The history of words: about 1 500 words and expressions and more than 5 000 words related to them*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istoriya-slov/> (In Russian).

Vygotsky, L. S. (1960) The historical development of human behavior. *Vygotsky L. S. The development of higher mental functions: from unpublished works* (pp. 446–452). Moscow: Academy of Pedagogical Sciences Publ. (In Russian).

Vygotsky, L. S. (1996). *Pedagogical psychology*. Moscow: Pedagogika Press. (In Russian).

Vygotsky, L. S. (2004). The problem of cultural development of the child. *Vygotsky L. S. Psychology of human development* (pp. 191–207). Moscow: Smysl, Eksmo Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Калинникова, Л. Н., & Зыкова, М. Н. (2026). Ресемантизация как инструмент осмысления лексем с модальностью необходимости. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(19), 32–46. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-32-46](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-32-46)

For citation:

Kalinnikova, L. N., & Zyкова, M. N. (2026). Resemantizing necessity modality lexemes: comprehension strategy. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(19), 32–46. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-32-46](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-32-46) (In Russian).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Вклад авторов

Калинникова Л. Н. – концептуализация, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, создание рукописи и ее редактирование.

Зыкова М. Н. – концептуализация, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, создание рукописи и ее редактирование.

Authors' contributions

Kalinnikova L. N. – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing.

Zykova M. N. – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing.

МОДАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖАНРА / MODALITY THROUGH GENRE PRISM

Модальность в текстах газеты «Ведомости» времени Петра Великого: коммуникативно-прагматический аспект

И. Ю. Кукса

Peter the Great Era “Vedomosti” newspaper modality: communicative-pragmatic aspect

I. Yu. Kuksa

Ирина Юрьевна Кукса – кандидат филологических наук, доцент; Западный филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Калининград, Российская Федерация

E-mail: kuksa-iy@ranepa.ru

Статья поступила: 24.01.2026. Принята к печати: 11.03.2026.

В статье на диахроническом материале первой печатной отечественной газеты «Ведомости» времени Петра Великого рассматриваются основные характеристики категории модальности в рамках функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов. Кратко представлена историческая характеристика первого печатного повременного издания как социокультурного феномена. Квалифицируются основные коммуникативные параметры первой газеты: цель, коммуникативные задачи, особенности субъектов коммуникации (адресанта и адресата), источников информации и сообщения новостной информации в условиях зарождения отечественной журналистики и периодической печати. Определяется значение категории модальности и совокупности средств ее выражения для реализации основных задач газетного текста периода становления отечественной периодики. Характеризуется взаимодействие в газетном дискурсе содержательно-структурных компонентов категории языковой модальности, таких, как объективная и субъективная модальность, подчеркивается важность субъективной модальности для газетного текста, а также нелинейный многомерный характер взаимоотношений разных модальных пластов и средств выражения. Определяется коммуникативная позиция автора газетного текста и модальные средства ее репрезентации, в частности, средства выражения субъективно-модальных смыслов уверенности / неуверенности, достоверности, а также дополнительных оттенков (польза, необходимость, важность и др.). На основании анализа языковых фактов выявляются и описываются типовые коммуникативные ситуации, в которых наиболее очевидны проницаемость модальных рамок, взаимодействие разноуровневых модальных средств, которые обеспечивают реализацию коммуникативных задач. Подчеркивается

Irina Yu. Kuksa – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Kaliningrad, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7177-6541

Received: 24.01.2026. Accepted for publication: 11.03.2026.

Drawing on diachronic material from the first domestic printed newspaper *Vedomosti* during the Peter the Great era, this article examines the main characteristics of the modality category within functional-semantic and communicative-pragmatic frameworks. A brief historical characterization of the first printed periodical as a sociocultural phenomenon is presented. The primary communicative parameters of the first newspaper are qualified: its purpose, communicative tasks, features of communication subjects (addresser and addressee), information sources, and news reporting under the conditions of emerging domestic journalism and periodical press. The significance of the modality category and its expression means for realizing the main tasks of newspaper texts during the formative period of domestic periodicals is determined. The interaction of content-structural components of the linguistic modality category in newspaper discourse, such as objective and subjective modality, is characterized. The importance of subjective modality for newspaper texts is emphasized, along with the non-linear, multidimensional nature of relationships between different modal layers and expression means. The communicative position of the newspaper text author and the modal means of its representation are defined, specifically the means of expressing subjective-modal meanings of certainty/uncertainty, reliability, and additional nuances (benefit, necessity, importance, etc.). Based on linguistic fact analysis, typical communicative situations are identified and described where the permeability of modal frameworks and the interaction of multi-level modal means ensuring communicative task realization are most evident. The evident resolution of two main journalism tasks in the texts of the first domestic printed newspaper is emphasized: informing about the “state of affairs” and shaping a worldview and attitude towards reality.

очевидность решения в текстах первой отечественной печатной газеты двух основных задач журналистики: информировать о «положении дел» и формировать картину мира, отношение к действительности.

Ключевые слова: диахрония, коммуникативно-прагматический аспект модальности, субъективно-модальные значения, газетный текст

Keywords: diachrony, communicative-pragmatic modality aspect, subjective-modal meanings, newspaper text

УДК 070.1:81-112

OECD: 5.08EU+6.02.OY

Постановка проблемы. Ключевая коммуникативная задача автора газетного текста, как известно, – не только отражение действительности, но и формирование мировоззренческой позиции, что является актуальным уже в период зарождения и становления отечественной газетной периодики, – достаточно вспомнить цели и роль Петра I при создании первой отечественной печатной газеты. В соответствии

с такой задачей автор газетного текста отбирает адекватные для ее решения языковые средства, в числе которых оказываются и репрезентанты категории модальности.

Еще один немаловажный для газетной периодики аспект – выражение позиции автора. Его интенция во многом определяется намерением представить «положение дел» (информировать о факте, событии, явлении), порой не только с точки зрения временного фактора (было, есть или будет) и реальности / ирреальности, но и с точки зрения необходимости / желательности его реализации, уверенности / неуверенности, достоверности, пользы и пр., что актуализирует в числе прочего и соответствующие субъективно-модальные значения.

При рассмотрении модальной палитры газетного текста становится очевидной диффузность и проницаемость границ между объективной и субъективной модальностью, что последовательно подчеркивается учеными-лингвистами (см., например, об этом: [Валгина 2003; Ваулина, 2013; Ваулина, Пробст, 2012; Ваулина и др., 2018; Кукса, 2019, 2021] и др.).

В связи с этим функционально-семантический аспект изучения категории языковой модальности продолжает находиться в центре исследовательского внимания, а коммуникативно-прагматический аспект ее описания особенно актуализируется при рассмотрении газетного текста. При этом диахронический подход позволяет выявить и охарактеризовать закономерности функционирования в речи средств выражения модальности как ключевой языковой категории с учетом миропонимания той или иной эпохи, а также показать причину теоретически неоднозначных трактовок структурно-содержательной природы модальности в лингвистике и отразить глубину ее межкатегориальных отношений (см. об этом подробнее: [Ваулина и др., 2018]). Между тем научных работ, выполненных в этом плане, не так много (уместно упомянуть в этом смысле калининградскую научную школу модальности, которую несколько десятков лет возглавляла профессор, доктор филологических наук С. С. Ваулина) по сравнению с исследованиями модальности и средств ее репрезентации на материале современного русского языка.

История вопроса. Как известно, первая отечественная газета была «вызвана к жизни» эпохой Петра I – временем глубинных перемен и серьезных реформ.

Значимая роль «Ведомостей времени Петра Великого» в социокультурном пространстве государства обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, цель создания первого печатного повременного издания, которая определена самим государем в его Указе от 16 декабря 1702 г.: «для извещения о заграничных и внутренних происшествиях» [Подгорелов, 1903, с. II], который при этом оказался не только инициатором издания газеты, но и ее идеологическим демиургом, редактором и даже автором, порой собственноручно отбирая, исправляя и создавая материалы. Газета стала «зеркалом действительности», свидетельством порой противоречивых преобразований во всех сферах жизнедеятельности общества в условиях формирования нации и мощного государства. В ней фиксировались, в частности, новости «о развитии флота, о расширении русской торговли, об открытии новых всякого рода заводов и других событиях русской жизни, с другой стороны, о явлениях политической и народной жизни европейских стран: войнах, бедствиях, а также о метеорологических и тому подобных явлениях» [Подгорелов, 1903, с. II]. В силу этого «Ведомости» преимущественно традиционно характеризуются в истории отечественной журналистики как издание официально-казенного и информационного типа.

Во-вторых, для царя-реформатора газета была «могучим орудием», «которое представляет необходимое звено в цепи его преобразований» [Подгорелов, 1903, с. I], то есть не только средством донесения актуальной информации, но и одним из способов формирования общественного мнения в пользу реформ, государственности, действий государя и пр. (в том числе – и путем отбора фактов): «Для большего успеха своих преобразований Петр Великий считал необходимым ввести руководившие им идеи в народное сознание и вместе с тем познакомить русское общество с западно-европейской жизнью, втянуть в нее» [Подгорелов, 1903, с. I–II]. Поэтому, являясь газетой новостей, вместе с тем «Ведомости» играли роль в выполнении социальных и политических задач по разъяснению и пропаганде достижений внутренней и внешней политики государства, петровских преобразований.

Такую специфику «Ведомостей» по сравнению с европейскими первыми повременными изданиями отмечает, например, Б. Есин, определяя ее государственный общенациональный характер и способность быть не только «простым листком для публикаций известий», но и «носителем и руководителем общественного мнения» [Есин, 1971, с. 10–11]. Такую точку зрения поддерживает в своих работах А. Тощев, по мнению которого исследователи, «даже безапелляционно причисляющие «Ведомости» к чисто информационному органу, помимо своего желания утверждают наличие в газете и некоторой публицистичности, ведь письма писали конкретные люди и отправляли их конкретным лицам» [Тощев, 1989, с. 190].

Таким образом, уже в первой печатной отечественной газете нашли отражение две главные задачи журналистики – информировать и оказывать воздействие, разъясняя, просвещая. Реализуя функцию «пропагандиста и организатора» петровских реформ, газета являлась одним из способов убеждения общества в силе и мощи государства.

В свою очередь, значимый вклад в выполнение этих стратегически и тактически важных задач вносит категория модальности с учетом ее функционально-семантического и коммуникативно-прагматического потенциала. Антропоцентрический фокус

современного языкознания с его пристальным отношением к человеческому фактору как важному экстралингвистическому компоненту языковых преобразований, определяет интерес к модальности в текстовом и коммуникативном аспектах. Обращение же к газетному тексту в этом смысле закономерно, поскольку газетный дискурс не только отражает актуальные факты и явления действительности, но и оперативно фиксирует изменения в языковой картине мира, тем самым представляя собой обширную базу для изучения коммуникативного аспекта языка в целом и модальности, в частности.

Важно и то, что в истории русского языка период Петровских ведомостей (первая четверть XVIII в.) считается начальным этапом зарождения национального языка, в котором начавшиеся ранее изменения (такие, как, например, сближение литературного языка с разговорным, сужение сферы распространения книжно-славянского типа литературного языка, зарождение и распространение жанров публицистики и др.) продолжают осуществляться в еще большем эволюционном масштабе.

В настоящее время исследовательский подход по анализу коммуникативно-прагматического аспекта модальности на материале газетных текстов нашел отражение в серьезном количестве научных работ (см., например: [Демидова, 2005; Солганик, 2010; Клушина, 2008; Ткаченко, 2011; Кормилицына, 2010; Ваулина, Пробст 2012; Рацибурская, 2016] и др.). При этом эмпирической базой преимущественно становятся тексты современных газет и шире – медиатексты.

Методология и методика исследования. Теоретико-методологическую основу статьи составили научные труды российских и зарубежных ученых, исследующих проблемы языковой модальности (В. В. Виноградов, Ш. Балли, Г. А. Золотова, А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, Г. П. Немец, Т. В. Шмелева, Л. П. Дронова, И. Р. Гальперин, Г. Я. Солганик, Т. В. Романова, З. Я. Тураева, Б. В. Хрычиков и другие). В соответствии со спецификой исторического материала основными методами стали традиционные методы наблюдения, обобщения и интерпретации языковых фактов на основе сравнительно-сопоставительного, лексико-семантического, в том числе компонентного анализа.

Материалом для рассмотрения категории модальности в коммуникативно-прагматическом аспекте стали тексты первой печатной отечественной газеты «Ведомости» времени Петра Великого, примеры из которой служат фактической основой для наблюдений и некоторых выводов. Примеры приводятся по изданию «Ведомости времени Петра Великого». Выпуск первый [Ведомости, 1903]. В примерах используется упрощенная графика: буквы греческого алфавита кси, пси, фита, омега, ук, а также старославянские буквы ять, юс малый, юс большой передаются буквами современного русского алфавита.

Прокомментируем ряд примеров, не претендуя на исчерпывающее представление модальных смыслов газетного текста, но тем не менее стараясь увидеть отражение сложных модальных отношений, во многом определенных авторской позицией и коммуникативной задачей.

Анализ материала. Целевая установка авторов газетных текстов по сообщению читателям информации о событиях и фактах внеязыковой действительности довольно прозрачно выявляется в первом отечественном периодическом издании. Решение

этой задачи закономерно закрепляет в качестве структурно-содержательной основы газетного текста объективную модальность, типичные средства выражения фиксируют «положение дел» с точки зрения его реальности / ирреальности.

Но в текстах, которые послужили материалом для наших наблюдений, не менее важной, как уже отмечалось выше, является и коммуникативная задача формирования мировоззренческой позиции по поводу описываемых фактов и событий – в частности, и политики государства, в том числе реформ и достижений – в целом. Это определяет использование в газетном тексте периода возникновения и становления отечественной периодики модальных средств из сфер ситуативной модальности, конкретизирующей «положение дел» в аспектах его возможности, необходимости, желательности, и субъективной модальности, позволяющей влиять на формирование точки зрения на действительность за счет выражения авторской если не открытой позиции, то по крайней мере намерения, отношения к сообщаемому.

При этом в сферу репрезентации модальных значений и их оттенков, в частности, и субъективно-авторского отношения в текстах газеты попадают не только традиционные модальные средства, но и, например, контекст, композиция и структура газетного текста, способы введения новой (новостной) информации и др. (см. об этом подробнее: [Кукса, 2019; 2021]).

В этом смысле прежде всего интересны те языковые факты, которые довольно ярко выражают взаимодействие двух важных модальных пластов – объективной и субъективной модальности в тексте первопечатной отечественной газеты. Подобное взаимодействие и взаимопроникновение модальных пластов со всей очевидностью обнаруживается в определенных коммуникативно обусловленных ситуациях. Не претендуя в рамках статьи на полномасштабный анализ всех ситуаций, обозначим самые явные, основные.

Ситуация 1. Сообщение об уже произошедшем либо происходящем в момент создания новости факте (явлении, событии, действии) со ссылкой на источник информации. В этой коммуникативной ситуации автор газетного текста решает комплексную задачу: 1) выстроить событийный ряд, сообщить информацию фактографического характера, то есть проинформировать читателей о состоявшемся факте / событии, используя весь основной арсенал средств объективной модальности – грамматическую категорию наклонения, отбирая для новости глаголы изъявительного наклонения настоящего или прошедшего времени; 2) дополнить информацию собственными оценками, в том числе указанием на источник, чтобы вызвать соответствующую реакцию читателя.

Как известно, самым частотным способом введения новостной информации в период зарождения и становления периодической печати была хрестоматийно известная формула *Из (обозначение локации, даты) пишут*, например: *Из Курасова подлинно пишут*, что караван французский /.../ разорен; *Из Сибири пишут*, в китайском государстве иезуитов велми не стали любить за их лукавство; *Из Лвова пишут*, что казаки белую церковь взяли; *Из волоской земли пишут*, что крымские татары пошли на буджак; *Из Варшавы пишут*, что князь казацкий пойман. и мн. др.

Такие нейтральные конструкции без обозначения источника информации – самые типичные в исследуемом материале, и модальный рисунок в них формируют в основном средства выражения объективной модальности.

В такой же функции передачи сообщения, информирования о факте, явлении действительности в «Ведомостях» употребляются и конструкции с другими глаголами лексико-семантической группы глаголов речемыслительной деятельности, основная (прямая) коммуникативная задача которых – обозначать определенный процесс речевой деятельности по передаче / сообщению информации в устной или письменной форме. Вместе с тем в газетном тексте в соответствии с авторской интенцией глаголы этой группы с достаточно прозрачной семантикой оказываются вовлеченными в реализацию целого спектра модальных оттенков.

Наиболее частотными в текстах первопечатной отечественной газеты, наряду с глаголом *писать*, как показали наши наблюдения, являются глаголы с обобщенно-абстрактной семантикой, типа *говорят*, *сказывают*. Конструкции с такими глаголами формируют коммуникативную ситуацию с неопределенным источником информации, почти на уровне слухов: ***Говорят***, что 7 тысяч или 8 тысяч человек в Польшу из Сазонской земли идут; ***Говорят***, что Сапега свескую сторону покинул; ***Сказывают*** здесь, что множество людей собирают напротив тиранства казацкого; ***Сказывают***, что в Торуне недостаток великий есть хлебных запасов и дров; ***И сказывают***, что и адмирал со иными кораблями в Тесел пришел.

В ряде примеров автор прямо обозначает в качестве источника информации слухи: *Отходе французския почты **молва** учинилась*, что король французский внезапно умер; ***Молва носит***, что по взятию бона соединенные в лотрингскую землю пойдут, или под крепость намур; А ***молва есть***, что будто баварские около Ингольштада збираются.

Модальный потенциал подобных конструкций во многом определяется семантикой ключевых существительных: ***молва*** – *говор*, *слух*, *наслух*, *намолчка*, *слава*, *народные толки* или *ходячие вести* [Даль, 1998–2000, Т. 2, с. 340]; соответственно, ссылка на молву и слухи означает авторское предупреждение о недостоверности информации.

Важно, что при этом автор честно и открыто информирует читателя по крайней мере о «неофициальности» источника, об отсутствии проверки, «доказательной базы» сообщаемого читателю (по сути, того, что в современной медиареальности получило название факт-чекинг), чтобы как минимум обозначить недостоверность информации, которая представляется значимой, но не нашедшей подтверждения.

В других случаях автор использует лексемы *ведомость* / *ведомо* в значении *ведомость* и конструкции по модели «существительное + инфинитив»: ***Ведомость носит***, что сазонцы замок тикотин договором взяли; ***Подлинная*** из коронного войска ***есть ведомость***, что коронной полководец <...> в Люблин пришел; Из Тесела ***ведомо чинят***, что от сильной бури, и ветра на море, великий убыток учинился; Из русской земли ***подлинно ведомо чинят***, что тамошния воеводства в Вишнице присягли за веру, за царя и за вольность стоять; Сего часа ***ведомость пришла***, что французам их великое намерение не удалось.

При этом основное значение лексики **ведомость от ведать**: *знать, иметь о чем сведение, весть, ведомость, знание* [Даль, 1998–2000, Т. 1, с. 161] способствует реализации авторской задачи по сообщению об определенном «положении дел».

В других случаях автор газетной информации прямо называет ее источник: например, военные новости приходили непосредственно от участников или очевидцев событий, тогда в качестве источников выступают военачальники, дипломаты, послы, пленные, перебежчики, гонцы и др., например: **Маркграф Филипп** из обоза от нижней Рены приехал и возвестил...; **Нарочной гонец от курфюрста** пригнал в город Дюсельдорф с вестью; **Перебежчики из Торуня** возвещают...; **Генерал Нумерс** суды писал, что... и др.

В этих и подобных примерах статус источника информации становится определяющим при реализации субъективно-модальных смыслов: чем он официальнее, тем информация достовернее, и наоборот.

Реже, но встречаются ситуации, когда коммуникативные роли автора газетного текста и источника информации, очевидца и / или участника событий совпадают, при этом номинация факта / действия косвенно сопрягается со значением абсолютной достоверности, поскольку сообщает о произошедшем / происходящем очевидец: *Третьего дня полковник фон Тренк прибыл к здешнему городу с корпусом пандуров, а понеже мы сдать не хотели, то начал он по нас производить пушечную стрельбу; И съ тою всерадостною ведомостью прибыли мы в санктпетербурхъ сего сентября 4-го дня.*

В связи с этим согласимся с мнением А. И. Тощева о том, что некоторые информационные заметки в «Ведомостях» «тяготеют к событийному репортажу – в них дается зримая картинка: например, о действиях русской армии повествуется в третьем лице, но обязательно с местоимением *наш*: “*Наши переправились*”, “*наши разбили*”» и т. д. [Тощев, 1989, с. 191]. Более того, на самом деле такой «эффект включенности» и коммуникативно-тактический прием «свидетельство очевидца» формируют типичные жанровые характеристики журналистского репортажа.

Иногда степень достоверности газетной информации повышается путем использования автором форм глагола *подтвердить* чаще всего в неопределенно-личной форме 3 лица настоящего времени, даже если в тексте отсутствует указание на источник подтверждения: **Подтверждают**, что король гишпанский 24 числа от Дюсельдорфа суды поднятия хочет; Что Немиров взят, и граждане и крестьяне замок взяти помогли, то **подтверждается**. Такое «повышение» достоверности обусловлено прозрачной семантикой глагола: **подтверждать, подтвердить что, утвердить, укрепить потверже; но более удостоверять, свидетельствовать в истине чего, заверить** [Даль, 1998–2000, Т. 3, с. 172].

Конструкции с глаголами *возвещать, объявлять* в силу общего компонента основного значения *извещать, давать знать* уже не содержат компонента недостоверности / неуверенности: *из Аузбурха грамотки возвещают, что французы с баварцами соединились; Письма возвещают, что некий великий господин заключен в сазонскую землю <...>; Из Англии полонные офицеры отпущенные возвещают, что парламент королеву переговорил, войну против Францыи продолжати, общая колик денег к воинскому уготовлению потребно оучреждати; Мариенбургские*

письма **объявляют**, что <...> положено не так, как Литва хотела. Ср.: **возвещать** – извещать, уведомлять, объявлять, подавать весть, давать знать; **объявлять** – объявить что или о чем кому; делать явным <...>; извещать или обвещать (повещать, оповещать), давать знать; оглашать что, обнародовать, публиковать [Даль, 1998–2000, Т. 1, с. 229; Т. 2, с. 618].

При решении задачи сообщения важной истинной информации автор газетного текста иногда прямо подчеркивает это: *И **неложно** донося взятые их языки, что принесено им неприятелямъ убытку во восем тысяч три ста, или четыре ста ефимков; И ныне **подлинно** ведомость получена: что они воры убийцы многие, и главнейший его товарищ вор Степка Драной во многом своем собрании убит, и единомышленников их не малое число побито; А потом тако получили **подлинную** ведомость: что король шведской с полками на сикурс спешит, и что в Будищах неприятель силно стоит.*

Еще одним маркером авторского интереса и авторской же оценки по отношению к описываемым фактам / событиям в рассматриваемых газетных текстах является наличие в них модально-оценочной лексики в пределах шкалы «хороший / плохой», в частности, качественных прилагательных *добрый, худой, радостный, великий, плохой* и др. С их помощью автор передает собственные как положительные, так и отрицательные эмоционально-экспрессивные реакции на описываемые им события, таким образом на значения объективной модальности (квалификация действия и окружающей реальности) наслаивается субъективная авторская эмоционально-оценочная характеристика описываемых событий: *Третьево дни после обеда опят назад сюды приехалъ ... Оранкендала **плохой** указ с собою привез...; ...Его Царское Величество, вышеупомянутое тезоименитства своего торжество, съ карабельным и гребным флотами при Ангуте с **доброю** церемонию и веселием отправил; Получили мы две **радостные** ведомости об **изрядной** над неприятелем победе; Сии две ведомости суть **великой** важности.*

С помощью эмоционально-оценочной лексики автор отдельно акцентирует читательское внимание на «качестве» новости и ее особой значимости. Довольно прозрачная субъективно-авторская оценка и событий, и сообщаемых новостей становится реализацией коммуникативной цели автора: даже в новостях не только информировать читателя, но и влиять на отношение к действительности.

Нередко автор газетного текста решает задачу сообщения достоверных сведений путем опровержения ранее бытовавших слухов: ***Молва была, будто турки войну зачали, того ради майор Фрейденфельд послан к рубежу доведатися, который сего дня пришелъ, **возвестя, что неприятеля нет**; ...до сего **молва была**, что гишпанский народ королю Филиппу весма пристал, **однако** тайные грамотки **инако** **возвещают**; **Носилася молва**, будто свейский генераль Штейнбокъ побит, и генерал Млеор пленен, но **солгано**. **Подлинныя весты** есть, что именованной генераль Штейнбокъ какъ приблизился ко крепости Замостью для прохождения коронного войска, от того места отступилъ.***

Опровержения при этом базируются на конкретных фактах (например, данные разведки), а также подчеркиваются лексемами, содержащими сему достоверности

(*подлинные*), или имеющими прямое основное значение, связанное с квалификацией информации как ложной (*солгано*).

Таким образом, в пространстве газетного текста, в котором все подчинено решению коммуникативных задач, в сферу формирования смысловых модальных оттенков вовлекаются не только типичные традиционные средства.

Ситуация 2. Сообщение о факте (явлении, событии, действии), отнесенном к плану будущего. Анонимный (безымянный) на тот момент автор газетного текста решает задачу проинформировать читателей о действии / событии, которое еще только произойдет. Конструкции с глагольными формами будущего времени при сообщении новостей в текстах «Ведомостей» менее частотны, однако более интересны с точки зрения квалификации модальных смыслов, поскольку их выражение во многом определяется коммуникативно-прагматической задачей автора представить факт, явление, событие действительности не только с точки зрения временной отнесенности к плану будущего, но и с точки зрения иных содержательных характеристик, например, значимости, пользы, необходимости того или иного действия / события / явления; достоверности сообщаемой информации, эмоциональной оценки и т. д.

При этом мало того, что грамматическое значение будущего времени само по себе носит прогностически-гипотетический характер, но порой модальная картина еще более усложняется за счет использования вводных слов, словосочетаний, глаголов со значением уверенности / неуверенности и др. типичных средств выражения субъективной модальности, что становится маркером авторского «присутствия» в тексте новости.

В текстах первой печатной отечественной газеты отражены две полярные смысловые градации модального значения уверенности / неуверенности автора в предполагаемых событиях, в качестве индикаторов при этом используются вводные слова и словосочетания с соответствующим значением:

- относительно низкая степень уверенности автора в том, что событие произойдет: *Литовская речь посполитая **может быть** что с московскимъ государемъ **станетъ держатся**; ...наше мещанство **можетъ быть соберетсѧ для** учинения своихъ въ томъ протестацеи; И такожде **видимо** что обещаю шведскую помощь для снесения казаков не приняла, но паче от московского посла обещаю помочь **принять склонитсѧ**; Дацкая шквадра въ море пошла, **можетъ быть**, что вскоре и о морском бою услышимъ;*

- высокая степень уверенности автора в том, что событие произойдет: *А от мира не ино что, токмо сие единое помешание, что король польский, **конечно, хочет** Москву в мире **совокупити**; Однако ж иные статьи положены, которыми литовские **конечно недовольны будут**; А под Торунем **конечно все тихо будет**.*

Такие типичные средства выражения уверенности / неуверенности позволяют автору как специально подчеркнуть гипотетичность номинируемого будущего события (факта, действия), так и сформировать убежденность читателя в том, что событие все же произойдет, настолько оно важно и необходимо.

Номенклатура средств выражения модальных значений уверенности / неуверенности на этапе становления отечественной газетной периодики еще

ограничена, наиболее частотными являются вводное слово «*конечно*» и вводное словосочетание «*может быть*», как в вышеприведенных примерах.

Помимо типовых средств выражения модального значения уверенности похожую функцию могут выполнять несобственно-модальные глаголы, в семантике которых обнаруживает себя компонент «надежда»: *надеяться, уповать, чаять*¹. Чаще всего данные глаголы употребляются авторами газетных текстов в главной части сложноподчиненных конструкций с изъяснительными придаточными: *...осадники **чают**, что вскоре городок сдаче **принудят**; Ныне **чают**, соединенное войско по взятии города бона **пойдет** под трарбух; ...того ради **надеются**, что то французское соединение с баварскими, немного **шкоды учинят**.*

Такая субъективно-модальная тональность усиливается, если перечисленные глаголы употребляются в форме первого лица преимущественно множественного числа, что создает ощущение включенности самого автора в ожидание свершения отнесенного к плану будущего номинируемого им события: *Но **надеемся**, что короля полского фельтмаршалк Стейнау с коронным и литовским войском, которое уже подлинно соединилось, шведам **помешает** привоз тех пушек из Стетина под Торунь; Однако ж **чаем**, что он заслуженного наказания не уйдет.*

В других случаях значение достаточно высокой степени уверенности в том, что номинируемое действие совершится, обозначается с помощью сочетаний «несобственно модальный модификатор *приуготовляться, радеть, готов* и др. + инфинитив», семантика которых актуализирует интенсивность ожидания и прогнозируемость выполнения предполагаемого действия: *...И **радеет** король полский союз с москвою **совершить**; ...И **верно**, что соединенные **радеют** мирное дело к ползе речи посполитой **совершить**; ...Лесные стрелки и полевые охотники **готовы** стоять, чтоб всем силам неприятельским отпор **учинить**.*

Конструкции с глаголом *обнадеживать* и функционально близкие им сочетания «глагол речевой деятельности + существительное *обнадеживание*» по типу *Московский посол обнадеживает, что...* демонстрируют еще более сложный модальный рисунок. Выполняя основную функцию передачи сообщения, этот глагол в силу своего основного значения «заставить надеяться, обещать или заставить верить во что будущее, уверять» (ср.: *обнадеживать – обнадежить или обнадеимать, обнадеи(я)ть кого, чем, в чем; дать надежду, заставить надеяться, обещать или заставить верить во что будущее, уверять успокоительно* [Даль, 1998–2000, Т. 2, с. 639]) выражает еще и авторскую позицию по квалификации предполагаемого события как желательного, нужного, участвуя тем самым в реализации оттенков ситуативной модальности желательности.

Интересны пока еще немногочисленные попытки описать факты / события, отнесенные к плану будущего, с разных точек зрения, например: *Единомышленники в великой Польше неколико кратъ с королем свейским договаривалися, **иные говорят**, что с шведами соединитися хотяъ, **иные сказывают**, что токмо к миротворению помогать хотяъ*; иногда же автор предлагает адресату подождать подтверждения сообщаемому: *О свейском короле различные речи доносятся, **иные***

¹ Глагол *чаять* (др.-русс. *чаяти*), в частности, зафиксирован в этимологических и толковых словарях со значением «ожидать, надеяться» (Сл. Преображенского, Сл. Срезневского).

пишут, что жив, а иные утверждают, что умер, однако он по се время людям не кажется, а подлинно о нем будущая ведомость укажет.

Результаты исследования. Исследуемый языковой материал показывает, что общая модальная картина первой печатной отечественной газеты «Ведомости времени Петра Великого» ожидаемо складывается из содержательного фундамента, представленного объективной модальностью, которая нелинейно, но функционально-содержательно переплетается с модальностью субъективной. При этом взаимоотношения объективной и субъективной модальности в газетном тексте характеризуется не линейностью, а многомерностью и не исчерпываются лишь принципом дополнительности.

Выражение субъективно-модальных смыслов базируется на намерении автора представить информацию о фактах, явлениях, событиях не только с позиции реальности и времени (было, есть или будет), но и с позиций значимости, пользы, достоверности и так далее, что, в свою очередь, коррелирует с теми социополитическими задачами, которые ставил перед печатным изданием его инициатор и основатель.

В том числе и поэтому репрезентация субъективной модальности в газетных текстах не менее значима, чем объективной и ситуативной. Более того, выражение авторской интенции, намерения, отношения к сообщаемому выявляется с очевидной регулярностью, и это дает основание скорректировать традиционное мнение о факультативности и дополнительности субъективной модальности по отношению к объективной, во всяком случае применительно к газетному дискурсу.

Выводы. Таким образом, подводя итоги наблюдениям над текстами первопечатной отечественной газеты, подчеркнем, что уже на ранних этапах становления отечественной газетной периодики важным является не только представление обществу объективной фактической информации, но и формирование отношения к действительности, мировоззренческой позиции, что обеспечивается в том числе использованием разноуровневых модальных средств.

Такая комплексная целевая установка воспроизводится в текстах более поздних периодов развития газетной периодики, демонстрируя историческую коммуникативную преемственность. В свою очередь, подобная целевая установка определяет модальную картину газетных текстов, когда субъективная модальность становится не просто смысловым дополнением к объективной, но и не менее функционально и коммуникативно важной.

Литература

Валгина, Н. С. (2003). *Теория текста: учебное пособие*. Москва: Логос.

Ваулина, С. С., & Пробст, Н. А. (2012). Коммуникативная функция вопросительно-побудительной модальности в газетном дискурсе. *Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч. 1* (с. 203–209). Калининград: БФУ им. И. Канта.

Ваулина, С. С., Кукса, И. Ю., Пробст, Н. А., Ткаченко, А. И., & Черняков, А. Н. (2018). *Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка: монография*. Калининград: БФУ им. И. Канта.

Ваулина, С. С. (2013). Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филологические науки*, 8, 7–12.

Ведомости Петра Великого (1903): в память 200-летия первой русской газеты: в 2 вып. Вып. 1: 1703–1707 гг. Москва: Моск. синод. тип.

Даль, В. И. (1998–2000). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* Москва: Цитадель.

Демидова, И. А. (2005). *Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Калининград: БФУ им. И. Канта

Есин, Б. И. (1971). *Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг.: краткий очерк*. Москва: Издательство Московского университета.

Клушина, Н. И. (2008). *Стилистика публицистического текста*. Москва: Медиа-Мир.

Кормилицына, М. А. (2010). Субъективная модальность в аналитических текстах современной прессы. *Модальность как семантическая универсалия: сборник научных трудов: посвящается юбилею профессора С.С. Ваулиной* (с. 217–223). Калининград: БФУ им. И. Канта.

Кукса, И. Ю. (2019). Коммуникативная специфика первой отечественной печатной газеты «Ведомости Петра Великого». *Научный диалог*, 8, 135–148. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-135-148>

Кукса, И. Ю. (2021). Модально-коммуникативная специфика первопечатной газеты «Ведомости времени Петра Великого». *Модальность. Коммуникация. Текст: сборник научных трудов международной научной конференции, Калининград, 29–30 сентября 2020 г.* (с. 158–166). Калининград: БФУ им. И. Канта.

Подгорелов, В. (1903). Предисловие. *Ведомости Петра Великого* (1903): в память 200-летия первой русской газеты: в 2 вып. Вып. 1: 1703–1707 гг. (с. I–VIII). Москва: Моск. синод. тип.

Рацибурская, Л. В. (2016). Процесс субъективизации и способы его нейтрализации в современном медиатексте. *Вестник электронных и печатных СМИ*, 1(24), 75–85.

References

Dahl, V. I. (1998-2000). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Citadel Publ. (In Russian)

Demidova, I. A. (2005). *Means of expressing motivational modality in Russian and English: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philology*. Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian)

Klushina, N. I. (2008). *The style of the journalistic text*. Moscow: Media-Mir Publ. (In Russian)

Kormilitsyna, M. A. (2010). Subjective modality in the analytical texts of the modern press. *Modality as a semantic universal: collection of scientific papers: dedicated to the anniversary of Professor S. S. Vaulina* (pp. 217–223). Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian)

Kuksa, I. Y. (2019). The communicative specifics of the first Russian printed newspaper “Peter the Great’s Vedomosti”. *Scientific Dialogue*, 8, 135–148. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-135-148> (In Russian)

Kuksa, I. Y. (2021). Modal and communicative specifics of the first printed newspaper “Peter the Great’s Vedomosti”. *Modality. Communication. Text: Proceedings of the International Scientific Conference, Kaliningrad, 2020, September 29–30* (pp. 158–166). Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian)

Peter the Great’s Vedomosti (1903): in memory of the 200th anniversary of the first Russian newspaper: in 2 vols. Vol. 1: 1703–1707. Moscow: Moscow. synod. type Publ. (In Russian)

Podhorelov, V. (1903). The preface. *Peter the Great’s Vedomosti: in memory of the 200th anniversary of the first Russian newspaper: in 2 vols. Vol. 1: 1703–1707* (pp. I–VIII). Moscow: Moscow. synod. Type Publ. (In Russian)

Ratsiburskaya, L. V. (2016). The process of subjectivization and the ways of its neutralization in the modern media text. *Bulletin of Electronic and Print Media*, 1(24), 75–85. (In Russian)

Solganik, G. Ya. (2010). *Essays on modal syntax*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Toshchev, A. I. (1989). Petrovsky “Vedomosti” as a type of publication. *XVIII century: collection of articles and materials. Collection 16: Results and problems of studying Russian literature of the XVIII century* (pp. 184–199). Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)

Valgina, N. S. (2003). *Text theory: a textbook*. Moscow: Logos Publ. (In Russian).

Vaulina, S. S. (2013). Modality as a communicative category: some controversial aspects of the study. *Vestnik of the Baltic Federal University named after I. Kant. Philological Sciences*, 8, 7–12. (In Russian)

Vaulina, S. S., & Probst, N. A. (2012). The communicative function of the interrogative-motivational modality in newspaper discourse. *Communication as a subject of interdisciplinary research: a collection of scientific papers: in 2 parts. Part 1* (pp. 203–209). Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian)

Солганик, Г. Я. (2010). *Очерки модального синтаксиса*. Москва: Флинта.

Тоцев, А. И. (1989). Петровские «Ведомости» как тип издания. XVIII век: сборник статей и материалов. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века (с. 184–199). Ленинград: Наука.

Vaulina, S. S., Kuksa, I. Yu., Probst, N. A., Tkachenko, A. I., & Chernyakov, A. N. (2018). *The communicative potential of modality in the diachrony and synchrony of the Russian language: a monograph*. Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian)

Yesin, B. I. (1971). *A Russian pre-revolutionary newspaper. 1702–1917: a brief sketch*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russian)

Для цитирования:

Кукса, И. Ю. (2026). Модальность в текстах газеты «Ведомости» времени Петра Великого: коммуникативно-прагматический аспект. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(19), 47–59. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-47-59](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-47-59)

For citation:

Kuksa, I. Yu. (2026). Peter the Great Era “Vedomosti” newspaper modality: communicative-pragmatic aspect. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(19), 47–59. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-47-59](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-47-59) (In Russian).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Субъективная модальность в стилистике британских кинокритик

Е. А. Лебедева

Subjective modality in British film review stylistics

E. A. Lebedeva

Елена Анатольевна Лебедева – кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: elena.lebedeva@novsu.ru

Elena A. Lebedeva – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3038-3458

Статья поступила: 29.11.2025. Принята к печати: 26.01.2026.

Received: 29.11.2025. Accepted for publication: 26.01.2026.

В статье представлен лингвостилистический анализ синтаксических средств выражения субъективной модальности в жанре британской профессиональной кинокритики. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью средств синтаксического уровня в функции экспликации авторской оценки и воздействия на читателя в текстах кинокритик. Цель исследования – выявление и систематизация синтаксических конструкций, вербализующих субъективную модальность. Методологическую базу составляет комплексный подход, интегрирующий процедуры количественного подсчета, сравнительного анализа распределения конструкций с модальным значением и контекстуально-функциональной интерпретации языкового материала. Эмпирическую базу составили три рецензии на фильмы различных жанров (фэнтезийная комедия, эпическая научная фантастика, фильм-ограбление), что обеспечило сопоставительную репрезентативность анализа на качественном уровне. В ходе анализа отобранных текстов выявлен устойчивый комплекс доминирующих синтаксических конструкций, образующих стилистическое ядро жанра: вставные конструкции, перечисление, антитеза, обособленные конструкции и эллипсис. Установлено, что распределение синтаксических стилистических средств неоднородно и подчинено функциональной задаче конкретного текста. Доказано, что авторская оценка конструируется на принципах синергии синтаксиса и лексики, а также комбинаторики самих синтаксических стилистических средств. Синтаксис формирует структуру воздействия, упорядочивая лексические смыслы и способствуя имплицитному убеждению читателя. Определены приоритетные коммуникативные функции: аргументативно-убеждающая, позиционирующая и культурно-легитимирующая. Делается вывод о стратегическом характере использования синтаксиса, адаптирующегося под статус фильма и индивидуальный стиль автора.

Ключевые слова: стилистические приемы, синтаксические средства, субъективная модальность, коммуникативные функции, кинокритики

This article presents a linguostylistic analysis of syntactic means as instruments for expressing subjective modality in the British professional film review genre. Research relevance stems from the insufficient study of syntactic-level means as instruments for realizing authorial evaluation and reader influence in film review texts. The study aims to identify and systematize syntactic constructions verbalizing subjective modality. The methodological framework comprises a corpus approach integrating quantitative calculation, comparative distribution analysis, and contextual-functional interpretation of linguistic material. The empirical base comprises three film reviews across different genres (fantasy comedy, epic science fiction, heist film), ensuring sample representativeness. Corpus analysis revealed a stable complex of dominant syntactic constructions forming the genre's stylistic core: parenthetical constructions, enumeration, antithesis, detached constructions, and ellipsis. The study establishes that syntactic stylistic device distribution is heterogeneous and subordinated to specific text functional tasks. The research proves that authorial evaluation is constructed on syntax and vocabulary synergy principles, alongside the combinatorics of the syntactic stylistic devices themselves. Syntax shapes the influence structure by ordering lexical meanings and facilitating implicit reader persuasion. Priority communicative functions are identified: argumentative-persuasive, positioning, and cultural-legitimizing. The study concludes that syntax use is strategic in nature, adapting to film status and individual authorial style.

Keywords: stylistic devices, syntactic means, subjective modality, communicative functions, film reviews

УДК 791.6:811.111:81'38(410)

OECD: 6.04JS+6.02OY+6.02OT

Постановка проблемы. Современный медиадискурс характеризуется выраженной тенденцией к субъективизации, что наиболее ярко проявляется в жанрах экспертной оценки, в частности – в кинокритике. В рамках англоязычного публицистического дискурса, и особенно в традиции британской кинокритики, экспликация личной оценки трактуется не как факультативный элемент, а как определяющая

характеристика авторского индивидуального стиля и коммуникативной стратегии, направленной на убеждение читателя. При этом субъективная модальность, определяемая как совокупность языковых средств репрезентации отношения коммуниканта к содержанию пропозиции (степень уверенности, эмоциональная вовлеченность, аксиологическая оценка), реализуется на различных лингвистических уровнях. Кинокритика, обладающая жанровой синкретичностью и синтезирующая черты аналитического, публицистического и оценочного дискурсов, представляет собой репрезентативный объект для исследования лингвистических механизмов воздействия.

Основная проблема заключается в том, что при очевидной значимости синтаксического уровня для выражения авторской позиции, традиционно фокус смещен на лексические средства оценки, тогда как потенциал синтаксических конструкций как инструмента для реализации сложных коммуникативных стратегий (убеждения, формирования ожиданий, управления эмоциональным откликом) недостаточно изучен. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного лингвистического описания средств синтаксического уровня как области целенаправленного стилистического выбора, непосредственно связанного с категорией авторской оценки и воздействия на читателя в качественной британской кинокритике.

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в идентификации и систематизации синтаксических средств, вербализующих категории субъективной модальности в корпусе текстов британской профессиональной кинокритики, а также в определении их коммуникативных функций. Реализация поставленных задач способствует углублению научного понимания механизмов репрезентации субъективности в рамках публицистического дискурса. В предшествующих работах были представлены результаты анализа использования лексико-стилистических средств для оценки кинематографических произведений рецензентами американского сетевого журнала *Entertainment Weekly* [Лебедева, 2024], а также был осуществлен сравнительный анализ стилистических приемов лексического уровня, служащих для выражения авторской оценки в американских и британских кинокритиках [Лебедева, 2025].

История вопроса. Теоретическую основу настоящего исследования составляет синтез нескольких взаимосвязанных направлений лингвистической мысли, изучающих репрезентацию субъективного начала и оценочности в языке и тексте. Фундаментальным основанием служит категория модальности, занимающая центральное место в осмыслении отношения говорящего к сообщаемому. Классическая дихотомия модальности, восходящая к В. В. Виноградову, разграничивает модальность объективную и субъективную, что заложило базу для анализа оценочных жанров [Виноградов, 1975]. Важным развитием данной концепции стала теория А. М. Ломова. Согласно ей, объективная модальность отражает

отношение содержания высказывания к действительности (включая реальную, гипотетическую и волюнтативную разновидности), тогда как субъективная модальность выражает личную оценку говорящего (вероятность, предположение, категоричность). Вместе с тем А. М. Ломов ввел понятие «субъектная модальность», описывающее отношение субъекта действия к самому действию (возможность, необходимость, желательность); при этом «субъектная модальность» подчинена объективной и функционирует в ее рамках [Ломов, 1977, с. 50–52].

Применительно к тексту как целостному высказыванию категория модальности трансформируется в текстовую модальность. Она рассматривается как всеобъемлющая категория, «поглощающая целевую коммуникативную установку автора и категорию оценки» [Авакова, 2016, с. 106]. По мнению И. Р. Гальперина, модальность имманентна всему тексту: «Даже в содержательно-фактуальной информации может имплицитно проявиться субъективно-оценочное отношение автора к описываемым фактам и событиям» [Гальперин, 2007, с. 117], что обуславливает необходимость учета модальности в категории информативности. В современных научных дискуссиях справедливо отмечается, что в художественных и публицистических текстах границы между объективным и субъективным размываются: «структурно-содержательный объем модальности представляет собой тесное переплетение объективных и субъективных значений со сложным рисунком их функциональных “переливов” и межкатегориальных связей» [Ваулина, 2013, с. 11]. Тем не менее ведущую роль в формировании концептуального пространства текста играет именно субъективно-оценочная модальность [Бабенко, 2009, с. 134]. Таким образом, анализ кинорецензии как оценочного жанра закономерно опирается на теорию субъективной модальности.

Изучение стилистических приемов имеет глубокие исторические корни, восходящие к античной риторике, где впервые были систематизированы принципы построения выразительной речи. В современной лингвистике данные приемы традиционно подразделяются на две основные категории: тропы (основанные на переносном значении слов) и стилистические фигуры (обусловленные особым синтаксическим построением). При этом в науке отсутствует единая точка зрения относительно терминологического обозначения и классификации фигур речи. Так, В. П. Москвин определяет фигуры речи как любые обороты, отступающие от нормы разговорной естественности и служащие для усиления выразительности. К синтаксическим фигурам исследователь относит инверсию, парцелляцию, эпифразу, полисиндетон, асиндетон, эллипсис, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение [Москвин, 2023, с. 467–471]. Понятия «фигура речи» и «синтаксическое стилистическое средство» не являются полностью тождественными, однако между ними существует тесная связь: фигуры речи представляют собой более широкую категорию, а синтаксические стилистические средства образуют одну из ее групп, не исчерпывая ее полностью.

Стилистические возможности синтаксических средств изучались в рамках теории экспрессивного синтаксиса, получившей развитие в трудах Г. Н. Акимовой, О. В. Александровой и Э. М. Береговской. Исследуя сознательное нарушение стандарта [Акимова, 1990], многоуровневое взаимодействие связей [Александрова, 2009]

и прагматику риторических фигур [Береговская, 2004], указанные авторы утвердили статус синтаксических конструкций как активного инструмента реализации авторской интенции и управления восприятием реципиента.

Несмотря на обилие исследований, единая классификация синтаксических средств выразительности (в особенности в английском языке) до настоящего времени отсутствует вследствие размытости границ между грамматической нормой и стилистическим приемом. Вместе с тем исследователи отмечают преемственность современной теории стилистики по отношению к античной и средневековой традициям, а также универсальность принципов выразительности, сложившихся в истории культуры. В настоящем исследовании идентификация и систематизация синтаксических конструкций проводились на основе словарных дефиниций стилистических терминов. В качестве базовых справочных изданий были использованы: «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М. Н. Кожина [Кожина, 2006] и “A Dictionary of Stylistics” К. Уэйлс [K. Wales, 2001].

Методология и методика исследования. Методологическую основу работы составляет функционально-стилистический подход, интегрирующий процедуры качественного и количественного анализа. В качестве ключевого теоретического инструмента для выявления оценочных значений используется теория оценки (*Appraisal Theory*) Дж. Р. Мартина и П. Р. Уайта, разработанная в рамках системно-функциональной лингвистики. Предложенная ими модель позволяет дифференцировать оценочные смыслы посредством трех взаимосвязанных категорий: Отношение (*Attitude*), Вовлечение (*Engagement*) и Градуирование (*Graduation*) [Martin, White, 2005, с. 34–35]. Применение этого аппарата обеспечивает переход от простой фиксации оценки к ее систематизации и классификации стратегий выражения субъективной позиции автора, соотносясь при этом с понятием субъективной модальности.

Дополнительным инструментом анализа выступает адаптированный для медиадискурса подход М. Беднарек. В ее исследованиях оценка (*evaluation*) трактуется как комплексное явление, включающее выражение мнения, точки зрения или эмоций автора по отношению к объектам действительности или пропозициям, где языковые средства служат инструментом конструирования коммуникативных отношений с читателем [Bednarek, 2006, p. 21–23].

Для анализа стилистических особенностей текста привлечена функционально-лингвистическая модель Дж. Лича и М. Шорта. Хотя авторы не выделяют термин «модальность» в качестве центральной категории, ключевые аспекты субъективности (выражение отношения, оценки, точки зрения) рассматриваются ими через призму «авторского тона» (*authorial tone*), «индивидуального стиля сознания» (*mind style*) и «свободной косвенной речи» (*free indirect speech*) [Leech, Short, 2007, p. 260–270]. Фундаментальным положением их теории является понимание стиля как «выбора среди альтернатив, существующих в языковом репертуаре» (*parole*) [Leech, Short, 2007, p. 26, 48]. В данном контексте синтаксис интерпретируется как область стилистического выбора среди лингвистически валидных вариантов (например, активные/пассивные конструкции) с целью достижения определенного коммуникативного и художественного эффекта [Leech, Short, 2007, p. 34–37]. Этот подход демонстрирует, как конкретные синтаксические стратегии участвуют в конструировании

субъективного восприятия и управлении вниманием реципиента, что обуславливает его релевантность для исследования кинорецензии как оценочного жанра.

Обозначенный теоретико-методологический фундамент соответствует современным тенденциям исследования коммуникативно-функционального аспекта медиадискурса. В частности, работы Ю. В. Гороховой и А. В. Михалчевой демонстрируют действенность подобного инструментария для анализа реализации оценочных и воздействующих стратегий синтаксическими средствами в научно-популярных и аналитических жанрах [Горохова, Михалчева, 2023; Михалчева, 2021]. Применительно к медиадискурсу также доказано, что выбор синтаксических средств напрямую коррелирует с коммуникативными задачами автора и особенностями аудитории [Кораблева, Алешина, 2019; Dzhagatspanyan, Orlova, 2020]. Специфика жанра кинорецензии и роль синтаксиса в выражении оценочности были также рассмотрены О. Р. Галиуллиной [Галиуллина, 2021]. Эти исследования подтверждают продуктивность интегрального подхода, объединяющего анализ модально-оценочной семантики и синтаксической экспрессии.

Несмотря на наличие отдельных исследований, комплексная работа, целенаправленно связывающая конкретный арсенал синтаксических средств с категориями субъективной модальности и оценки в рамках четко очерченного жанра британской кинорецензии, ранее не проводилась. Это обстоятельство определяет научную новизну настоящего исследования.

Эмпирическую базу данного исследования составила выборка из трех кинорецензий, опубликованных в британском онлайн-издании *The Guardian*. Репрезентативность материала обусловлена авторитетностью издания в англоязычном медиaprостранстве; критериями отбора текстов послужили жанровое разнообразие фильмов и их культурная значимость. Хотя объем выборки ограничен, приоритет отдан глубине качественного анализа, что обеспечивает достоверность интерпретации выявленных закономерностей.

В работе применяется комплекс методов: от сплошной выборки языкового материала до его количественного подсчета, сравнительного анализа и контекстуально-функциональной интерпретации.

Анализ материала. Для лингвистического анализа отобраны тексты, посвященные фильмам разных жанров: *Barbie* («Барби», фэнтезийная комедия, 2023), *Dune: Part Two* («Дюна: Часть вторая», эпический научно-фантастический фильм, 2024) и *Now You See Me: Now You Don't* («Иллюзия обмана 3», фильм-ограбление, 2025). Объединяющая доминанта текстов кинорецензий – установка на конструирование субъективной оценки, где синтаксические средства выступают не маркером украшения, а важным инструментом стратегического воздействия.

Количественный анализ 113 случаев использования синтаксических приемов в трех кинорецензиях позволяет выделить ядро частотных средств, формирующих стилистическую основу жанра. Наиболее значимыми оказались вставные конструкции (parenthesis) – 20, перечисление (enumeration) – 17, антитеза (antithesis) – 13, обособленные конструкции (detachment construction) – 12, эллипсис (ellipsis) – 9. Распределение этих средств неоднородно и обусловлено риторической задачей каждой рецензии. Так, в рецензии на легкий триллер *Now You See Me: Now You Don't*

сбалансированное использование антитезы (6) и эллипсиса (4) служит созданию лаконичной иронии. В рецензии на фильм *Barbie* преобладание вставных конструкций (11) и перечислений (7) имитирует спонтанность экспертной речи. Наибольшая синтаксическая насыщенность отличает рецензию на *Dune: Part Two*, где антитеза и перечисление (по 5) наряду с саспенсом и градацией (5 и 4) работают на философское осмысление эпического повествования.

Несмотря на тематические различия, во всех трех текстах фиксируется универсальный набор синтаксических приемов, образующих жанровое ядро британской кинокритики. Вставные конструкции (4–11 случаев) создают эффект авторского комментария, а перечисления (5–7) демонстрируют эрудицию критика. Аргументация строится на контрасте благодаря антитезе (2–6 случаев), тогда как обособленные конструкции (2–6) позволяют автору дистанцироваться от предмета оценки. Совокупность этих средств обеспечивает баланс между экспертной авторитетностью и доступностью изложения. Однако качественный анализ доказывает, что модальность редко рождается изолированно. Синергия лексики и синтаксиса является фундаментальным принципом. Проиллюстрируем это на примере ключевых синтаксических средств, формирующих модальность.

Синтаксическая антитеза, выступая структурной основой контраста, реализует оценочный потенциал преимущественно посредством лексической семантики. В рецензии на фильм *Now You See Me: Now You Don't* данная фигура формирует скептически-ироничную оценку через сопоставление антонимов в рамках синтаксической оппозиции: «*The starry franchise returns for a belated third outing, with Rosamund Pike in villain mode and familiar but forgettable tricks*» (*Звездная франшиза возвращается с запоздалой третьей частью, с Розамунд Пайк в роли злодейки и трюками знакомыми, но забываемыми*) [Hassenger, 2025]. Семантический контраст (*familiar / forgettable*) создает содержательное ядро оценки, тогда как союз *but* реализует структурную и усилительную функцию. В тексте рецензии на картину *Dune: Part Two* аналогичная синтаксическая фигура функционирует как инструмент философско-этической критики, усиливаемый за счет оксюморона и гиперболы: «*It's an inhospitable, brutal kind of beauty that Villeneuve has created – there's not enough lip balm in the universe...*» (*Это негостеприимная, жестокая красота, которую создал Вильнев – во вселенной не хватит бальзама для губ...*) [Ide, 2024]. Синтаксическое противопоставление в данном контексте репрезентирует сложную модальность парадоксального восхищения суровой эстетикой; модальность передается через выбор конкретных лексических единиц (*brutal beauty, not enough lip balm*).

Вставные конструкции (parenthesis) и обособленные члены предложения (detachment) функционируют как ключевые инструменты репрезентации субъективной авторской позиции. Однако их коммуникативный потенциал детерминирован семантикой вставного компонента. В рецензии на фильм *Now You See Me: Now You Don't* обособление используется для введения иронической ремарки, усиливающей лексически выраженный скепсис: «*Eisenberg probably deserves an award... – at least about the movie at hand*» (*Айзенберг, вероятно, заслуживает награды... – по крайней мере, за этот фильм*) [Hassenger, 2025]. Графическое

выделение (тире) создает акцент, однако содержательное ядро оценки (ограниченность похвалы) реализуется через лексические средства (*at least*).

В тексте рецензии на фильм *Barbie* наблюдается комплексное использование синтаксических средств: «*Worse still, she develops flat feet and (whisper it!) cellulite – two horsemen of the Barbie apocalypse*» (Что еще хуже, у нее развиваются плоскостопие и (только тихо!) целлюлит — два всадника апокалипсиса Барби) [Kermode, 2023]. Синтаксическое обособление (тире) организует оценочную ремарку, формируя ироническую гиперболу через наименование физиологических изменений «всадниками апокалипсиса» (культурная аллюзия). Вставная конструкция («*whisper it!*») симулирует доверительный тон, реализуя функцию вовлечения реципиента в дискурс. Указанные стратегии способствуют реализации оценочных смыслов в рамках теории, разработанной Дж. Р. Мартином и П. Р. Уайтом.

Перечисление (enumeration) и градация (climax) демонстрируют функциональную взаимосвязь. В рецензии на фильм *Barbie* перечисление культурных аллюзий служит репрезентации экспертной позиции автора: «*...a sugar-rush mashup of Pixar's Toy Story 2, Carlo Collodi's Pinocchio, the cult live-action feature Josie and the Pussycats...*» (...головокружительный микс из «Истории игрушек 2» от Pixar, «Пиноккио» Карло Коллоди, культового игрового фильма «Джози и кошечки»...) [Kermode, 2023]. Синтаксическая организация (перечисление с использованием асиндетона) создает эффект семантической насыщенности, тогда как ценностное суждение (сочетание инфантильности и культурной осведомленности) передается через подбор слов (*sugar-rush, cult*). В тексте рецензии на картину *Dune: Part Two* градация выступает структурным каркасом для эмоционально-образной интенсификации: «*It layers muscle, sinew and savagery on to the bones of Part One*» (Он наслаивает мускулы, сухожилия и дикость на кости первой части) [Ide, 2024]. Трехкомпонентная восходящая структура задает ритмическое нарастание, однако ключевую роль играет семантический сдвиг от анатомической терминологии (*muscle, sinew*) к оценочному компоненту (*savagery*), что передает восхищение органической мощью повествования.

Анализ данных выявил высокую степень сочетаемости синтаксических приемов: авторы сознательно объединяют от двух до четырех средств в пределах одного высказывания, создавая усиленный эффект воздействия на читателя. Такое взаимодействие позволяет выразить сложную, многогранную авторскую позицию. В частности, в рецензии на фильм *Dune: Part Two* критик использует комплексный подход: «*So how is it that Villeneuve has been able to succeed — and make no mistake, Dune: Part Two is an emphatic success — in adapting a book...?*» (Так как же Вильневу удалось добиться успеха — и не сомневайтесь, «Дюна: Часть вторая» это безусловный успех — в экранизации книги...?) [Ide, 2024]. В данном примере одновременно функционируют: 1) риторический вопрос (вовлекает читателя в совместное рассуждение), 2) обособление (тире визуально акцентирует ключевую мысль), 3) вставная конструкция (*make no mistake*) выполняет убеждающую функцию и 4) саспенс (*is an emphatic success*) отодвинуть главный вывод в конец фразы. По отдельности эти средства не обеспечили бы столь убедительного эффекта логически подготовленного заключения.

Аналогичная стратегия наблюдается в рецензии на фильм *Barbie*: «*Like a dreamy version of the nightmarish Being John Malkovich, everyone here is Barbie. Except the men, who are just Ken. Or Allan (a hapless Michael Cera). But mainly just Ken – an appendage without an appendage*» (Как в мечтательной версии кошмарного «Быть Джоном Малковичем», здесь все — Барби. Кроме мужчин, которые просто Кен. Или Аллан (несчастный Майкл Сера). Но в основном просто Кен — придаток без придатка) [Kermode, 2023]. Сочетание парцелляции (дробления текста на короткие самостоятельные части), эллипсиса (пропуска грамматических элементов) и обособления (*an appendage without an appendage* – приобретает статус автономного авторского комментария) создает ритмически «рубленную» структуру. Это усиливает иронический смысл утверждения, выделяя исключения из правила в виде автономного авторского комментария.

Исследование показывает, что оценочная позиция критика не существует сама по себе, а конструируется через два одновременных процесса. Во-первых, синтаксис структурирует и акцентирует смыслы, заложенные в словах. Во-вторых, различные синтаксические средства комбинируются друг с другом, создавая эффект, который превосходит простую сумму отдельных частей. Эта «двойная комбинация» является основой стратегии «скрытого убеждения», характерной для аналитической критики *The Guardian*. Авторитетность и сила мнения достигаются не прямыми заявлениями, а продуманной структурой текста, которая незаметно направляет восприятие читателя.

В итоге, субъективность в данном жанре предстает не как интуитивное выражение чувств, а как результат сознательного речевого проектирования. Критик использует синтаксис как точный инструмент, чтобы совместить лексическую выразительность со структурной логикой, обеспечивая максимальное воздействие на аудиторию.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил выявить устойчивые закономерности в том, как британские критики выражают свое мнение. Основной находкой стало подтверждение того, что оценка формируется на стыке языковых уровней, где синтаксис организует и усиливает лексические смыслы.

Выделена иерархия коммуникативных функций синтаксиса. Доминирует аргументативно-убеждающая функция (риторический вопрос, саспенс, антитеза), моделирующая совместное с читателем рассуждение. Вторая функция – авторитетное позиционирование через вставные конструкции и обособления, имитирующие экспертную речь. Третья – культурно-легитимирующая, использующая перечисления для придания фильму статуса культурного феномена.

Инструментарий варьируется в зависимости от объекта и автора. В рецензиях на развлекательное кино (*Now You See Me: Now You Don't*) преобладают ирония и краткость (эллипсис, парцелляция). В обзорах амбициозных проектов (*Barbie*, *Dune: Part Two*) чаще используются сложные конструкции для философского анализа. Индивидуальные стили также различаются: манера Марка Кермода (Mark Kermode) тяготеет к диалогичности (вставные конструкции, перечисления), стиль Венди Айд (Wendy Ide) – к аналитической строгости (антитеза, саспенс, градация), а тон рецензии на *Now You See Me: Now You Don't* отличается сдержанной лаконичностью (эллипсис).

Количественный анализ показал, что в среднем в 16% случаев синтаксис генерирует оценку автономно, без лексической поддержки. Это происходит, когда

устойчивые формы (например, риторический вопрос) сами по себе становятся маркерами категоричности или отрицания.

Итак, субъективная оценка в жанре представляет собой результат сознательного конструирования, где синтаксические ресурсы используются для точного управления восприятием читателя.

Выводы. В результате исследования показано, что синтаксические стилистические средства являются системообразующим элементом дискурса британской интеллектуальной кинокритики, выполняющим две ключевые взаимосвязанные функции. Во-первых, они служат **функциональным каркасом**, который организует и акцентирует оценку, изначально заложенную в лексико-семантическом выборе автора. Во-вторых, через механизм **многоуровневой синергии** (взаимодействие разных синтаксических средств и их кооперация с лексикой) они формируют комплексную авторскую позицию, интегрирующую эмоциональную реакцию, эстетическое суждение и интеллектуальную аргументацию. Данный процесс носит стратегический характер и подчинен принципу имплицитного убеждения, что соответствует общей коммуникативной установке аналитической критики *The Guardian*.

Выявленная контекстуальная вариативность свидетельствует о высокой гибкости жанра: синтаксический инструментарий адаптируется под статус фильма и коммуникативные цели автора. Это доказывает, что оценка является продуктом сознательного проектирования, а не интуитивного выбора. Перспективы дальнейшей работы связаны с расширением эмпирической базы для верификации закономерностей на более обширном материале, а также с сопоставительным анализом стратегий в изданиях различной идеологической направленности.

Литература

Авакова, Э. Р. (2016). К вопросу о текстовой категории модальности. *Наука и современность*, 44, 106–110.

Акимова, Г. Н. (1990). *Новое в синтаксисе современного русского языка*. Москва: Высшая школа.

Александрова, О. В. (2009). *Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка: учебное пособие*. Москва: ЛИБРИКОМ.

Бабенко, Л. Г. (2009). Оценочный фактор в формировании модального пространства текста. *Оценки и ценности в современном научном познании: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч. 2* (с.133–142). Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта.

Береговская, Э. М. (2004). *Очерки по экспрессивному синтаксису*. Москва: Изд-во УРСС.

Ваулина, С. С. (2013). Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 8, 7–12.

Виноградов, В. В. (1975). О категории модальности и модальных словах в русском языке. *Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: избранные труды* (с. 53–87). Москва: Наука.

Галиуллина, О. Р. (2021). Прагмалингвистические и стилистические особенности англоязычной сетевой кинорецензии. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 27(1), 151–161. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-151-161>

Гальперин, И. Р. (2007). *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: КомКнига.

Горохова, Ю. В., & Михалчева, А. В. (2023). О роли экспрессивного синтаксиса в формировании образа в англоязычном научно-популярном медиатексте. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2, 190–199. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-190-199>

Кожина, М. Н. (ред.). (2006). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: Флинта, Наука.

Кораблева, Е. А., & Алешина, О. И. (2019). Экспрессивные синтаксические средства в англоязычных рекламных текстах для аудитории разных возрастных групп. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 1(2), 37–49. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-2-37-49>

Лебедева, Е. А. (2024). Стилистика американских кинорецензий. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 4(14), 33–47. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-4\(14\)-33-47](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-4(14)-33-47)

Лебедева, Е. А. (2025). «Барби» и «Оппенгеймер» в зеркале кинокритики: стилистика англоязычных рецензий. *Ученые записки НовГУ*, 4(59), 931–946. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.4\(59\).931-946](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.4(59).931-946)

References

Avakova, E. R. (2016). On the issue of the textual category of modality. *Science and Modernity*, 44, 106–110. (In Russian).

Akimova, G. N. (1990). *New in the syntax of modern Russian language*. Moscow: Higher school Publ. (In Russian).

Alexandrova, O. V. (2009). *Problems of expressive syntax: based on the material of the English language: a textbook*. Moscow: LIBRIKOM Publ. (In Russian).

Babenko, L. G. (2009). The evaluation factor in the formation of the modal space of the text. *Assessments and values in modern scientific knowledge: a collection of scientific papers: in 2 parts. Part 2* (pp. 133–142). Kaliningrad: BFU named after I. Kant Publ. (In Russian).

Bednarek, M. (2006). *Evaluation in media discourse: analysis of a newspaper corpus*. London: Continuum Publ.

Beregovskaya, E. M. (2004). *Essays on expressive syntax*. Moscow: URSS Publ. (In Russian).

Dzhagatspanyan, O., & Orlova, S. (2020). The role of syntactic expressive means in the english language economic mass media. *International Journal of English Linguistics*, 10(5), 15–22.

Galiullina, O. R. (2021). Pragma-linguistic and stylistic features of the English online movie review. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 27(1), 151–161. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-151-161> (In Russian).

Galperin, I. R. (2007). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: KomKniga Publ. (In Russian).

Gorokhova, Yu. V., & Mikhacheva A. V. (2023). On the role of expressive syntax in the creation of image in English popular science media texts. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics* 2, 190–199. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-190-199> (In Russian).

Hassenger, J. (2025, November 25). Now You See Me: Now You Don't review – light-as-a-feather magic threequel. *The Guardian: official website*. URL: <https://www.theguardian.com/film/2025/nov/11/now-you-see-me-now-you-dont-review> (accessed: 12.01.2026)

Ide, W. (2024, March 03). Dune: Part Two review – sci-fi sequel is immense, breathtaking wonder. *The Guardian: official website*. URL: <https://www.theguardian.com/film/2024/mar/03/dune-part-two-review-denis-villeneuve-timothee-chalamet-zendaya-rebecca-ferguson-austin-butler-sci-fi-sequel-is-jaw-on-the-floor-spectacular> (accessed: 15.11.2025)

Kermode, M. (2023, July 23). Barbie review – a riotous, candy-coloured feminist fable. *The Guardian: official website*. URL: <https://www.theguardian.com/film/2023/jul/23/barbie-review-greta-gerwig-margot-robbie-ryan-riotous-candy-coloured-feminist-fable> (accessed: 05.12.2025)

Korableva, E. A., & Alyoshina, O. I. (2019). Expressive syntactic means in English advertisements for the target groups of different ages. *Professional Discourse & Communication*, 1(2), 37–49. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-2-37-49> (In Russian).

Ломов, А. М. (1977). *Очерки по русской аспектологии*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.

Михалчева, А. В. (2021). О прагматических особенностях экспрессивного синтаксиса в текстах англоязычной популярной прессы. *Филологические науки в МГИМО*, 7(1), 60–67. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-60-67>

Москвин, В. П. (2023). *Теоретические основы стилистики*. Москва: ФЛИНТА.

Bednarek, M. (2006). *Evaluation in media discourse: analysis of a newspaper corpus*. London: Continuum.

Dzhagatspanyan, O., & Orlova, S. (2020). The role of syntactic expressive means in the English language economic mass media. *International Journal of English Linguistics*, 10(5), 15–22.

Hassenger, J. (2025, November 25). Now You See Me: Now You Don't review – light-as-a-feather magic threequel. *The Guardian: official website*. URL: <https://www.theguardian.com/film/2025/nov/11/now-you-see-me-now-you-dont-review> (дата обращения: 12.01.2026)

Ide, W. (2024, March 03). Dune: Part Two review – sci-fi sequel is immense, breathtaking wonder. *The Guardian: official website*. URL: <https://www.theguardian.com/film/2024/mar/03/dune-part-two-review-denis-villeneuve-timothee-chalamet-zendaya-rebecca-ferguson-austin-butler-sci-fi-sequel-is-jaw-on-the-floor-spectacular> (дата обращения: 15.11.2025)

Kermode, M. (2023, July 23). Barbie review – a riotous, candy-coloured feminist fable. *The Guardian: official website*. URL: <https://www.theguardian.com/film/2023/jul/23/barbie-review-greta-gerwig-margot-robbie-ryan-riotous-candy-coloured-feminist-fable> (дата обращения: 05.12.2025)

Leech, G., & Short, M. (2007). *Style in fiction: a linguistic introduction to English fictional prose*. Harlow: Pearson Longman.

Martin, J. R., & White, P. R. R. (2005). *The language of evaluation: appraisal in English*. London: Palgrave Macmillan.

Wales, K. (2001). *A dictionary of stylistics*. London, New York: Longman.

Kozhina, M. N. (ed.) (2006). *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: Flinta, Nauka Publ. (In Russian).

Lebedeva, E. A. (2025). “Barbie” and “Oppenheimer” through lens of English-language film criticism: stylistic study. *Memoirs of NovSU*, 4(59), 931–946. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.4\(59\).931-946](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.4(59).931-946) (In Russian).

Lebedeva, E. A. (2024). Stylistics of American film reviews. *VERBA. North-West linguistic journal*, 4(14), 33–47. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-4\(14\)-33-47](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-4(14)-33-47) (In Russian).

Leech, G., & Short, M. (2007). *Style in fiction: a linguistic introduction to English fictional prose*. Harlow: Pearson Longman.

Lomov, A. M. (1977). *Essays on Russian aspectology*. Voronezh: Voronezh University Publ. (In Russian).

Martin, J. R., & White, P. R. R. (2005). *The language of evaluation: appraisal in English*. London: Palgrave Macmillan.

Mikhailcheva, A. V. (2021). About some peculiarities of expressive syntax in English popular press. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 7(1), 60–67. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-60-67> (In Russian).

Moskvin, V. P. (2023). *Theoretical foundations of stylistics*. Moscow: FLINTA Publ. (In Russian).

Vaulina, S. S. (2013). Modality as a communicative category: some controversial aspects of the research. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University*, 8, 7–12. (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1975). About the category of modality and modal words in the Russian language. *Vinogradov V. V. Studies on Russian grammar: selected works* (pp. 53–87). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Wales, K. (2001). *A dictionary of stylistics*. London, New York: Longman.

Для цитирования:

Лебедева Е. А. (2026). Субъективная модальность в стилистике британских кинокритиков. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(19), 60–70. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-60-70](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-60-70)

For citation:

Lebedeva E. A. (2026). Subjective modality in British film review stylistics. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(19), 60–70. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-60-70](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-60-70) (In Russian).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ / SCIENTIFIC LIFE: CHRONICLE, REVIEWS

Рецензия на: Ваулинские чтения. Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве (Калининград, 2025)

З. Л. Новоженова

Review of: Vaulin Readings. Modality: language and text in communicative space (Kaliningrad, 2025)

Z. L. Novozhenova

Зоя Леонидовна Новоженова – доктор филологических наук, профессор; независимый исследователь, Гданьск, Польша

E-mail: nowozenowa@rambler.ru

Материал поступил: 17.01.2026. Принят к печати: 20.02.2026.

В рецензии представлена информация о первых Ваулинских чтениях, состоявшихся в Калининградском университете 29–30 сентября 2025 г. Дается оценка сборника материалов по итогам конференции (электронное издание, 27 статей, 241 стр. PDF) в аспекте тематического разнообразия, обсуждаемой проблематики, методологических подходов и предпочтений. Отмечается, что в сборнике содержится мемориальная часть, в которой дается оценка деятельности и личности С.С. Ваулиной как ученого, организатора науки, воспитателя научных кадров. Воспоминания коллег и учеников дополняют этот образ. В целом издание БФУ дает достаточно полную картину состояния и уровня современных исследований в области модальности, а также демонстрирует высокий исследовательский уровень помещенных в сборник статей.

Ключевые слова: первые Ваулинские чтения, модальность, сборник статей, оценка проблематики, тематики и способов их решения

УДК 811.161.1:81`37

Zoya L. Novozhenova – Dr. Sci. in Philology, Professor; independent researcher, Gdańsk, Poland

ORCID: 0000-0003-3266-8251

Received: 17.01.2026. Accepted for publication: 20.02.2026.

This review presents information on the First Vaulin Readings, held at Kaliningrad University on September 29–30, 2025. It evaluates the conference proceedings (an electronic publication comprising 27 articles and 241 PDF pages) in terms of thematic diversity, the issues addressed, and methodological approaches and preferences. The review highlights a memorial section that assesses the work and personality of S.S. Vaulin as a scholar, an organizer of scientific activity, and a mentor to researchers; this portrait is further enriched by the recollections of colleagues and students. Overall, the publication by Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU) provides a comprehensive overview of the current state and quality of research on modality and demonstrates the high academic standard of the included articles.

Keywords: First Vaulin Readings, modality, collection of articles, assessment of research issues, themes, and approaches

OECD: 6.020Y

В издательстве Балтийского федерального университета им. И. Канта вышел сборник статей по материалам международной конференции «Ваулинские чтения. Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве», состоявшейся в названном университете 29–30 сентября 2025 года и приуроченной к 80-летию профессора С. С. Ваулиной. Рецензируемый сборник представляет собой научное

электронное издание под редакцией Л. М. Бондаревой, Л. А. Мальцева, Т. М. Шкапенко, включающее в формате PDF 241 страницу.

Категория модальности являющаяся, возможно, одной из самых «человеческих» в гуманитарных науках (прежде всего в философии, психологии, логике, лингвистике) свое первоначальное лингвистическое осмысление получила, как известно, сравнительно недавно, в XX веке, в трудах французского лингвистика Шарля Балли. В отечественном языкознании одним из первых внимание к категории модальности привлек В. В. Виноградов. В российском языкознании модальность стала предметом изучения авторитетных ученых XX и XXI веков таких, как Т. В. Алисова, И. П. Распопов, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, Е. В. Падучева, И. Р. Гальперин, Г. В. Колшанский, В. В. Химик и др. В этом ряду ученых надо поместить и имя Светланы Сергеевы Ваулиной как ученого, основным научным интересом которого на протяжении всей ее научной жизни стала категория модальности, и как ученого, который не только продолжил традиции предшественников, сохраняя основные методологические подходы к этой категории, но и критически их осмыслил, предложив собственную оригинальную концепцию категории модальности.

Категория модальности остается одной из дискуссионных категорий современного языкознания. Дискуссии касаются ее языкового статуса, сущности, объема, соотношения с другими категориями (модуса, субъективности, оценки и др.), механизмов функционирования и средств ее выражения.

Именно Калининградский университет, благодаря энтузиазму, усилиям, научному темпераменту и заинтересованности С. С. Ваулиной в течение последних двух с половиной десятилетий был той научной площадкой, на которой разрабатывались и обсуждались лингвистические проблемы модальности, что отражено в большом количестве публикации самой С. С. Ваулиной, ее учеников, а также других сотрудников университета, в тематике защищенных дипломных, магистерских, кандидатских диссертаций, в проблематике конференций с участием отечественных и зарубежных ученых, проводившихся в Калининградском университете. По итогам конференций, организованных С. С. Ваулиной, вышли научные издания, давно получившие признание в научном сообществе. Рецензируемый сборник имеет все шансы занять достойное место среди научных публикаций, посвященных проблемам модальности, и может представлять собой интерес как для опытных ученых, так и для начинающих исследователей, интересующихся модальностью и другими лингвистическими проблемами.

Рецензируемый сборник включает 27 статей, и этот количественный показатель уже сам по себе обеспечивает его тематическое многообразие.

Структура сборника отражает его проблематику.

Первая часть сборника (условно ее можно назвать мемориальной) содержит большой и содержательный очерк, помещенный под рубрикой «Научное наследие», написанный учениками, соратниками и единомышленниками Светланы Сергеевны Ваулиной – И. Ю. Куксой и А. И. Ткаченко «Калининградская школа модальности профессора С. С. Ваулиной: этапы и перспективы развития», а также материалы, объединенные общей рубрикой «Воспоминания».

Очерк дает глубокий, полный и, можно сказать, исчерпывающий, в некоторых моментах даже скрупулезный, анализ деятельности С. С. Ваулиной как ученого, преподавателя, ответственного организатора, талантливого администратора, руководящего академическими институциями: факультетом, кафедрой, научный советом. В очерке определен круг научных интересов Светланы Сергеевны (история русского языка и функциональная грамматика), дано понимание языковой модальности в системе научных взглядов Светланы Сергеевны, которое складывается в рамках функционально-семантического подхода с акцентированием диахронии.

Особое внимание в очерке уделяется исключительной роли С. С. Ваулиной в формировании и становлении Калининградской школы языковой модальности. Важными организационными этапами авторы считают появление аспирантуры под ее руководством, а также открытие диссертационного совета. Отмечается ее публикационная активность и коллектива, работающего под ее руководством. Очерк заканчивается выкладкой тезисов, в которых определены возможности дальнейших исследований категории модальности в рамках Калининградской школы языковой модальности.

Не оставляют читателя равнодушным и воспоминания коллег. В них появляется образ яркой неординарной личности: ученого, преподавателя, коллеги, человека харизматичного, оптимистичного, ироничного и здравомыслящего, дипломатичного и прямолинейного и вместе с тем уязвимого и легкоранимого, с удивительной преданностью своему делу.

Вторая часть сборника, которую условно (в противовес мемориальной) можно назвать теоретической, в целом демонстрирует определенное теоретическое единство авторов в понимании категории модальности. Авторы, как правило, декларируют свою приверженность взглядам профессора С. С. Ваулиной на модальность.

В то же время надо отметить, что даже в этом сборнике единомышленников представлены и иные интерпретации категории модальности. Так, Т. В. Шмелева анализирует материал в рамках собственного понимания модальности и отправляет интересующихся к своим публикациям по данной проблеме. В статье Л. А. Усмановой анализ материала осуществляется через призму категорий логической модальности. Показательны в плане понимания модальности некоторые литературоведческие статьи, предлагающие так называемый мультимодальный подход в интерпретации Г. Кресса в рамках анализа авторской модальности (М. С. Потемина, Т. Д. Вагнер, Э. Е. Прасова).

Тематика сборника отражает широту и разнообразие интересов ученых, представленных в нем. Материалы исследования объединены в тематические разделы, блоки. Тематика разделов хорошо ориентирует читателя в ключевых направлениях изучения категории модальности и отражает разнообразие подходов к ней в современной лингвистике. Сборник охватывает широкий спектр тем/проблем: от анализа эволюционных процессов в древнерусском и русском языках XI–XVII, XVIII вв. до анализа коммуникативных процессов в современном русском языке (и других языках) на основе различных текстов и дискурсов. При этом каждая статья отражает не только индивидуальные научные интересы авторов, но и приоритеты современной

лингвистики. Показателен и «второй» план сборника – конкретный языковой и речевой материал исследования различных коммуникативных пространств: это и художественные тексты, и жанры делового стиля, деловая и дипломатическая корреспонденция, челобитные, мемуарная литература, массмедийный и интернет-дискурсы, авторские колонки, сетевой дискурс, чаты, пословицы, рассказы о сновидениях и гороскопы и т. д. Как мы видим, предметное поле исследований значительно расширено. Большое место в нем начинает занимать интернет-коммуникация. Новый языковой материал позволяет фиксировать новые грани модальности как на уровне содержания, так и на уровне форм его выражения.

Тематическое разнообразие сборника, его многопроблемность подкрепляется разнообразием методологических подходов и методов исследования: сравнительно-исторический и исторический методы, сопоставительный анализ, когнитивный, дискурсивный, текстовый, жанровый, лингвокультурологический подходы и некоторые другие. Методы исследования позволяют получить комплексное представление о предмете изучения.

В раздел «Модальность в диахронии и синхронии» входят четыре статьи. Он открывается статьей Л. П. Дроновой «История древнерусского языка в современной исследовательской перспективе (к вопросу о новых восточнославянских языках)». Автор показывает, что история модально-оценочной лексики может быть одним из факторов установления генетического «ядра» карпато-русинского языка.

Авторы трех остальных статей этого блока через призму модальности устанавливают эволюционные изменения в деловом языке. Е. М. Шептухина в статье «Дипломатические письма XVIII века в аспекте модальности» анализирует дипломатические письма выдающегося государственного деятеля В. Н. Татищева, выявляя в них доминирующую прагматическую модальность побуждения.

Н. В. Косова показывает, что тексты современных регламентирующих документов характеризуются ситуативной модальностью необходимости и долженствования, что связано с общей функцией регулирования.

Анализ функционально-семантической специфики фразеологизмов типа «в конец погибли» позволил Н. А. Суворовой сделать ряд ценных наблюдений и некоторые теоретические обобщения о модальном значении возможности в деловом языке второй половины XVII – начала XVIII в. на материале челобитных. Автор выявляет социально-культурную обусловленность употребления фразеологизмов в челобитных.

Статьи отличаются добротным языковым материалом, методологической выверенностью и качественным анализом, а также вполне отвечают духу Калининградской школы модальности, в которой особое внимание уделяется дихотомическим аспектам языка.

Раздел «Модальность в разных видах дискурса» открывается статьей Т. В. Шмелевой, чьи работы в области текста, модальности и медиалингвистики хорошо известны читателям и пользуются заслуженным признанием в научном сообществе. В анализе материала реализованный автором текстоцентрический подход к изучению модальности убедительно показал, что ирреальная модальность в текстах авторской колонки выступает одной из важных линий авторского начала текста, обеспечивая его полифоничность. Исследование показывает также

перспективы изучения категории модальности в плане семантических и конструктивных возможностей. В целом продемонстрированный в этой работе текстоцентрический подход дает методологический ключ к пониманию важных процессов в области модальности.

Статья Л. М. Бондаревой предлагает анализ самопрезентации как формы актуализации авторской модальности в автобиографическом дискурсе (на материале немецкоязычной литературы). Автор приходит к выводу, что авторская самопрезентация в текстах автобиографического дискурса характеризуется значительностью вариабельностью и богатством возможностей своей реализации.

Н. А. Пробст обращается к исследованию модальности в относительно новой для языкознания коммуникативной сфере – сетевому дискурсу и жанру интернет-комментария. В качестве анализа автор выбирает речевой акт насмешки и убедительно показывает, что в содержательном поле речевого акта насмешки находят отражение любые конститuentы категории модальности, т. е. речевой акт насмешки отличается полимодальностью.

Л. М. Усманова, исследуя реализацию модальных значений в сновидческом дискурсе, приходит к выводу о том, что эпистемистическая и аксиологическая модальности оказываются доминирующими в сновидениях. Однако в статье не совсем ясны границы модальности в понимании автора. Некоторые авторские утверждения, по нашему мнению, являются излишне категоричными («Сновидения – неотъемлемая часть жизни человека...» (с. 96).

А. М. Мубаракшина и Н. Н. Фаттахова показывают средства выражения авторской модальности в гороскопе в качестве инструмента суггестивного воздействия (суггестивной коммуникации). В целом можно согласиться с оценкой модальных глаголов в медиагороскопах. Вызывают сомнения только некоторые оценки жанров гороскопа в современном медиапространстве. Только ли цифровизация привела к распространению медиагороскопов? Может быть есть еще какие-то причины? Действительно ли медиагороскоп претендует на научность, как утверждают авторы.

Последняя статья данного раздела А. Р. Нарутдиновой исследует выражение модальности с помощью пословиц с соматическим компонентом в разнотипных языках: русском, английском и японском. Анализ материала подтверждает авторскую гипотезу о том, что соматический код является не только универсальным, но и культурным и типологическим механизмом репрезентации модальных значений. Можно выразить надежду, что в последующих публикациях автора могут быть представлены корпуса таких пословиц и даны количественные и семантические характеристики их состава.

Раздел «Языковые средства выражения модальных смыслов» содержит четыре статьи. Исследование А. В. Петрухиной и О. В. Трофимовой снова возвращает читателя к языку деловой коммуникации XVIII века, деловому эпистолярию, к письмам А. Демидова. В статье показаны информативные и прагматические функции выделительно-ограничительных частиц, качественный анализ которых дал возможность авторам «попутно» предложить историческим словарям новые сведения о них.

Сопоставительное изучение модальных категорий необходимости и долженствования в польском и русском языках позволило Е. В. Зубрицкой прийти

к выводу о некоторых национально-специфических особенностях категории модальности. Так, по наблюдениям автора, большая лексическая выраженность необходимости на внутреннюю, моральную, и внешнюю представлена в польском языке. Автор приходит к выводу, что в целом экспликация этих видов модальности в конкретных языках зависит от внешних обстоятельств и определена принципами поведения, принятыми в конкретном обществе в конкретный исторический период.

К. А. Гинина обращает внимание на роль высказываний с вопросительно-побудительной модальностью в интернет-общении как определенном факторе оптимизации и гармонизации этого общения. Анализ достаточно убедителен, хотя и вызывает желание сравнить интернет-общение с разговорной речью в плане построения диалога и рассмотреть возможность квалификации данных конструкций в плане риторических приемов.

Статья Н. Б. Усачовой напоминает нам о достаточно хорошо описанном факте русского языка в области связок и их формального разнообразия. Автор обращает внимание на фразеологические связки, построенные по модели предложения и о возможности (и необходимости) выражения субъекта в них косвенными падежами. Статья в целом носит констатирующий характер. Хотелось бы обратить внимание на досадную ошибку в названии статьи в оглавлении сборника (употреблен предлог на вместо предлога по). В тексте эта ошибка скорректирована.

Большое место в сборнике занимают материалы, посвященные модальности в художественном тексте и авторской модальности. Раздел «Языковые проблемы модальности в художественном тексте» открывается статьей А. В. Кузнецовой «Категориальной статус авторской модальности в семантическом пространстве художественного текста», в которой автор настаивает на широком понимании авторской модальности, согласно которой авторская модальность включает образ автора, модальные маркеры и лингвопрагматическую сторону текста. В качестве примера анализируется рамочная композиция повести А. Н. Толстого «Хаджи Мурат» и ее роль в актуализации модальности.

А. И. Дзюбенко показывает различные модальные операторы, которые способствуют проявлению авторской модальности в художественном тексте на примере новеллы О. Генри «Дары волхвов». Обе указанные статьи делают акцент на участии читателя в декодировании смысла художественного текста.

В специфике реализации аксиологической модальности в романах С. Павловой «Голод» и Х. Фильдинг «Дневник Бриджид Джонс» Г. Р. Насибуллова видит проявление авторского стиля.

Разнообразие модальных значений в поэзии Ю. Левитанского, передаваемых с помощью инфинитивных конструкций, исследуется в статье В. Д. Кравцовой.

Р. Д. Ведерников рассматривает игровую модальность постмодернистского художественного текста через призму прецедентного имени в качестве интертекстуальных отсылок, влияющих на восприятие и интерпретацию художественного произведения.

В статьях раздела «Авторская модальность в произведениях русской и мировой литературы» анализ модальности становится ключом либо к творчеству

определенного писателя, либо механизмом раскрытия идейно-художественного содержания конкретного произведения.

Так, Л. А. Мальцев проникает в «загадочные парадоксальные и даже причудливые отношения между языковой и предметной действительностью» поэзии Ц. Норвида через тонкий анализ подстрочника и двух переводов стихотворения «Общие места» со стороны композиции и ее модальных смыслов (необходимости и возможности).

По мнению И. А. Королевой, поздняя лирика А. Т. Твардовского с ее усиливающейся философской направленностью может получить интерпретацию именно в ключе авторской модальности. При этом границы понимания авторской модальности, в интерпретации автора статьи, максимально расширены и не всегда ясны для читателя статьи. Однако в обозначенных теоретических координатах исследовательница приходит к выводу, что «основные модальные реализации – достоверность, вероятность, возможность, необходимость – выражены в поздней лирике Твардовского разнообразной модальной лексикой».

Семиотическое исследование символических значений цветов предпринято С. Г. Горбовской. Автор статьи анализирует «селаамские списки» – сборники, в которых описываются символические значения цветов, приписываемых им в разных культурах, а также возможности выражения ими модальных значений. В целом статья производит впечатление несколько фрагментарной, недостаточно теоретически обоснованной в части понимания автором категории модальности. Не совсем удачно, как нам кажется, употребляется термин реплика («Реплики цветов направлены на замещение реплик человека...» (с. 205).

Е. Д. Генералова фиксирует эволюцию модальности в драматургии А. Н. Афиногенова: от прямолинейной директивной модальности Пролеткульта до сложной полифонической, сформированной под влиянием чеховской традиции, что отражает творческий рост писателя и общую тенденцию литературы 30-х годов в поиске общечеловеческих ценностей.

В статье А. С. Косинской рассматривается авторская модальность в рассказе Дж. Р. Р. Толкина «Лист Ниггля» в рамках художественной антропологии через такие показатели, как говорящие имена, авторские ремарки, несобственно-прямая речь, прямые характеристики героев.

Совершенно в ином ключе, через предложенное Г. Крессом понятие мультимодальности, решается проблема модальности в статье М. С. Потёминой и И. Д. Вагнер, а также в статье Е. С. Прасовой. В статье М. С. Потёминой и И. Д. Вагнер творчество известного немецкого писателя Райхарда Йиргля рассматривается как реализация мультимодальных стратегий. Е. С. Прасова приходит к выводу, что творчество Петера Хандке можно оценить как мультимодальную попытку осмысления реальности в аспекте интертекстуальности и авторефлексии. Как известно, Г. Кресс под мультимодальностью понимает интегрированное использование различных модусов (кодов, семиотических ресурсов) в рамках одного произведения. Авторы статей, работающие с понятием мультимодальность, концентрируют внимание на формальных средствах и на их участии в выражении содержательной стороны художественного произведения, а также на процессе семиозиса. В «классическом» же

понимании в том виде, в каком оно сложилось в современной лингвистике, модальность является семантико-смысловой категорией, и методологический акцент делается на содержательной стороне данной категории. Возможности выражения модальности ограничиваются языковыми средствами, во внимание в этой исследовательской парадигме могут приниматься также композиционные возможности текста. По итогам анализа статей этого раздела складывается впечатляющая картина возможностей прежде всего языка, но и также других семиотических систем в выражении авторской модальности.

В целом материалы сборника демонстрируют динамику в осмыслении и изучении категории модальности в лингвистике. Материалы сборника сосредоточены на актуальных проблемах современной теории модальности: описанию новых модальных смыслов, статуйрованию модальности как текстообразующей категории, анализу текстовой, жанровой, дискурсивной обусловленности категории модальности, активно разрабатывается проблема установления репертуара средств выражения модальности. Можно отметить возросший интерес к проблемам авторской модальности. Сборник дает достаточно полную картину состояния и уровня современных исследований в области модальности, а также показывают высокий исследовательский уровень помещенных в сборнике статей. В определенном смысле рецензируемые материалы конференции демонстрируют современную повестку в области модальности. Достаточно последовательно в сборнике пропагандируются основные теоретические принципы и (практическую направленность) Калининградской школы языковой модальности. Издание БФУ заслуживает высокой оценки за вклад в разработку категории модальности и продвижение актуальных исследований в этой области.

Для цитирования:

Новоженова, З. Л. (2026). Рецензия на: Ваулинские чтения. Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве (Калининград, 2025). *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(19), 71–79. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-71-79](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-71-79)

For citation:

Novozhenova, Z. L. (2026). Review of: Vaulin Readings. Modality: language and text in communicative space (Kaliningrad, 2025). *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(19), 71–79. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-71-79](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-71-79) (In Russian).

**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО